

Российская Академия Наук

НКС ООН РАН

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

КИТАЙ: Вчера, сегодня, завтра

Материалы заседания
19 ноября 2022 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Лукин Александр Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
И.О. научного руководителя Института Китая
и современной Азии РАН, руководитель Департамента
международных отношений НИУ ВШЭ,
директор Центра исследований Восточной Азии
ШОС МГИМО МИД России

Маслов Алексей Александрович

доктор исторических наук, профессор,
директор Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

Островский Андрей Владимирович

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Аганбеян Абел Гезевич

академик РАН, доктор экономических наук

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Китай: вчера, сегодня, завтра

Материалы заседания 19 ноября 2022 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2023

УДК [323/327+338.1/.2](510)(063)
ББК 66.2(5Кит)я431+65.9(5Кит)я431
К45

Китай: вчера, сегодня, завтра : Материалы заседания 19 ноября 2022 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М. : ООО «Новые печатные технологии», 2023. — 189 с. ISBN 978-5-6049084-9-5

Предлагаемый вашему вниманию сборник позволит ознакомиться с мнением известных китайистов и услышать их ответы на многие ключевые вопросы о Китае вчера, сегодня и завтра. Поможет составить общую картину происходящего в экономике и социально-политической жизни Китая.

Сборник включает три доклада: и. о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН, руководителя департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директора Центра исследований Восточной Азии ШОС МГИМО МИД д. и. н., проф. А.В. Лукина («Внешнеполитическая стратегия КНР и американо-китайская борьба за лидерство»), директора Института стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова д. и. н., проф. А.А. Маслова («Динамика социально-экономических изменений в Китае и перспективы взаимодействия с Россией»), главного научного сотрудника Института востоковедения РАН д. э. н., проф. А.В. Островского («Влияние XX съезда компартии Китая на социально-экономическую политику Китая»), а также дискуссию, состоявшуюся по итогам выступлений докладчиков.

УДК [323/327+338.1/.2](510)(063)
ББК 66.2(5Кит)я431+65.9(5Кит)я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6049084-9-5

© Тосунян Г.А., составление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Состав научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	10
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	14
ДОКЛАД 1 д. и. н., проф. ЛУКИН А.В.	21
<i>акад.</i> УГРЮМОВ М.В. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	38
<i>проф.</i> МИРКИН Я.М. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	40
<i>чл.-корр.</i> ГРИНБЕРГ Р.С. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	42
д. э. н. КРИВОВ В.Д. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	45
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	47
<i>акад.</i> ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	48
<i>проф.</i> КАЛАШНИКОВ С.В. – <i>проф.</i> ЛУКИН А.В.	51
ДОКЛАД 2 д. и. н., проф., МАСЛОВ А.А.	53
<i>чл.-корр.</i> ЧЕРНЫШ М.Ф. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	69
<i>проф.</i> МЕДВЕДЕВ П.А. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	71
д. э. н. КРИВОВ В.Д. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	73
<i>акад.</i> УГРЮМОВ М.В. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	75
<i>проф.</i> МИРКИН Я.М. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	78
<i>чл.-корр.</i> ГРИНБЕРГ Р.С. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	80
к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	83
к. э. н. СТОЛЯРОВ А.И. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	84
<i>проф.</i> ТЕДЕЕВ А.А. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	86
<i>акад.</i> МАЕВСКИЙ В.И. – <i>проф.</i> МАСЛОВ А.А.	88
<i>акад.</i> ТОСУНЯН Г.А.	90

ДОКЛАД 3 д. э. н., проф. ОСТРОВСКИЙ А.В.	91
<i>акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.</i>	109
<i>д. э. н., проф. КАЛАШНИКОВ С.В.</i>	112
ДОКЛАД 4 <i>акад.</i> АГАНБЕГЯН А.Г.	115
<i>акад. УГРЮМОВ М.В.</i>	161
<i>к. э. н. ПРЕКСИН О.М.</i>	166
<i>чл.-корр. ГРИНБЕРГ Р.С.</i>	168
<i>д. э. н., проф. ОСТРОВСКИЙ А.В.</i>	170
<i>д. и. н., проф. МАСЛОВ А.А.</i>	174
<i>акад. ТОСУНЯН Г.А.</i>	178
<i>акад. ГУСЕЙНОВ А.А.</i>	180
<i>акад. УГРЮМОВ М.В.</i>	183
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
<i>акад. ТОСУНЯН Г.А.</i>	184

СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА (НКС ППСЭПО) ООН РАН

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руководитель Института философии РАН

КОКОЦИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра перспективных исследований национальной безопасности России Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН

- ИВАНОВ**
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ
- чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
- ИЛЬИН**
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
- чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН
- КАСАВИН**
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ
- чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН
- КЛЕПАЧ**
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
- к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ
- ЛЕКТОРСКИЙ**
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
- академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН
- МЕДВЕДЕВ**
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ
- д. э. н., профессор
- МИРКИН**
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ
- д. э. н., руководитель отдела международных рынков капитала Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- НЕСТИК**
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
- д. п. н., профессор РАН, зав. лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН
- НИГМАТУЛИН**
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ
- академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН
- ПЕТРЕНКО**
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ
- чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

иностраннный член РАН, д. социол. н., член президиума Национальной академии наук Республики Армения

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., директор Института государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития

СМИРЦОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
МИХАЙЛОВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШЦЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

- о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о **Рабочем завтраке у Тосуняна**,
- о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели проходят рабочие завтраки представителей Ассоциации российских банков (АРБ), в которых прини-

мали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый рабочий завтрак проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на рабочих завтраках, и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью этих рабочих завтраков было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение **траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!**

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и рабочие завтраки?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и рабочие завтраки можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на рабочих завтраках, и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 78 рабочих завтраков у Госуняна, большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом.

Спикерами «Открытых дискуссий...» выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Бузами-партнерами проекта являются **более 80 российских вузов**, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой дискуссии дистанционно участвуют от 40 до 80 вузов. Численность интернет-аудитории «Открытой дискуссии...» в среднем составляет **около 2 тыс. человек**.

Последние два года проводится одна «Открытая дискуссия...» в месяц.

За 10 лет состоялось 72 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии...».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Доброе утро!

Рад вас всех видеть.

Сегодня мы собрались очно и в Зууме.

10 октября Абелу Гезевичу Аганбегяну исполнилось 90 лет.

Мы очень рады, что Вы, дорогой Абел Гезевич, сегодня с нами, и поздравляем Вас с юбилеем, и желаем долгие годы быть в нашем строю в такой прекрасной интеллектуальной форме!

Хочу также сказать, что 31 декабря мы в живом формате соберёмся здесь на наш очередной рабочий завтрак, который уже более десяти лет проходит в предновогодний день без повестки дня по итогам года, где выступают все участники.

Сегодня интересная повестка дня.

Сегодня заседание Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества, которое проходит совместно с Институтом Доверия, Достоинства и Права в формате рабочего завтрака.

Формату «Рабочего завтрака...», как оказалось, уже 30 лет!

Я считал, что нам ещё нет 30 лет, но на прошлом заседании один из докладчиков – Александр Кузнецов из Сингапура – напомнил, что ровно 30 лет назад он первый раз оказался на «рабочем завтраке...», который ему сильно запомнился.

Вот такая приятная неожиданность, оказывается, мы очень взрослые!

Зарегистрировалось сегодня 140 человек. Из них 16 членов РАН.

Очно участвуют 26 человек, в том числе 7 членов Академии.

Принимающая сторона – Галина Юрьевна Фомина, она нас всегда очень вкусно кормит, всегда очень ответственная и заботливая.

Спасибо, Галина Юрьевна, мы за Вас поднимем отдельный бокал не только как за принимающую сторону, но и как за именинницу октября.

Перейдём к повестке дня, которая посвящена Китаю. Под общим заголовком: «Китай – вчера, сегодня, завтра»... И послезавтра, будем считать, поскольку китайцы всегда на столетие вперёд думают и планируют!

Хочу поблагодарить наших докладчиков. Они инициировали эту тему и подготовили доклады.

Первый доклад – это внешнеполитическая стратегия КНР и американо-китайская борьба за лидерство.

Теперь в мире 2 лидера. Кроме нас, конечно.

Мы – всегда лидеры.

Первым докладчиком будет Лукин Александр Владимирович, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН, руководитель департамента международных отношений ВШЭ, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества МГИМО, доктор исторических наук, профессор.

В общем, много регалий.

Александр Владимирович, в частности, докторскую по философии защищал в Оксфорде.

Второй вопрос – это динамика социально-экономических изменений в Китае и перспективы взаимодействия с Россией.

Докладчик – Маслов Алексей Александрович, директор Института стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор, несколько лет преподавал за рубежом.

Это сейчас может рассматриваться как недостаток.

Но мы пока ещё будем считать это достоинством.

Алексей Александрович на канале «Вести-ФМ» ведёт программу «Восточная шкатулка. События в Азии».

Третий доклад – это XX съезд КПК о социально-экономическом развитии Китая до 2035 года.

Докладчик – Островский Андрей Владимирович, зам. главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор экономических наук, профессор, один из ведущих специалистов по экономике Китая.

Несколько слов, прежде чем передам слово докладчикам.

Если начать с экономических показателей Китая, общеизвестно, что он стал второй страной после США по номинальному ВВП и первой – по паритету покупательной способности.

В Китае устойчивый тренд на рост доходов населения и борьбу с бедностью на протяжении долгих лет, не один десяток лет.

Причём когда они ставят стратегические ориентиры, то обязательно достигают их.

Ставят новые ориентиры – и опять достигают.

Это удивительно, конечно.

За последние 10 лет среднегодовые номинальные темпы роста доходов населения Китая достигли 8,8%.

В 2010 году средний россиянин был в 2 раза богаче китайца.

В 2021 году доходы на душу населения в России уже 9,9 тысячи долларов в год, а в Китае 10,8 тысячи долларов в год.

То есть Китай обогнал Россию по уровню доходов на душу населения.

Правда, у роста зарплат и благосостояния населения тоже обратная сторона медали есть.

Если раньше Китай отличался дешёвой рабочей силой, самой дешёвой, наверное, в таком масштабе, то теперь многие корпорации переносят своё производство в страны с менее дорогой рабочей силой.

Это Таиланд, Индия, Камбоджа – такое развитие и перераспределение трудовых ресурсов имеет место быть.

Рост доходов жителей Китая идёт пропорционально экономическому развитию страны, что логично.

Но это особо важно ещё и потому, что за счёт роста экономики идёт не расслоение и обогащение только какой-то части общества, а обеспечивается именно пропорциональное развитие.

Думаю, что тому свидетельство – коэффициент Джини.

В Китае он составляет 46,9, в России – 39,9.

В отличие от нас, Китай не имеет такого количества разнообразных природных ресурсов.

Китай достигает этих результатов за счёт проводимой политики. В 90-е годы ежегодный рост китайского ВВП не фиксировался ниже 6%.

Исключение составлял только 2020 пандемийный год. Там было 2,3%.

В 2007 году рост ВВП достиг рекордных 14%.

ВВП Китая составляет 16,9 триллиона долларов США, по итогам 2021 года рост 8,1%, несмотря на продолжающиеся вспышки коронавируса и те ограничения, которые они очень жёстко вводят.

Если по всему миру COVID-ограничения постепенно смягчаются, то в Китае до сих пор в отдельных районах практикуются полные локдауны, в том числе в таких крупных городах, как Шанхай.

Только в сентябре текущего года власти КНР закрыли 60 городов, в 1–3-м кварталах текущего года рост ВВП составил 3%.

По секторам экономики: в сельском хозяйстве +4,2%, в промышленности и в строительстве 3,9%, сектор услуг 2,3%.

Товарооборот Китая и России в январе – октябре этого года вырос на 33% в связи, в том числе, с обстоятельствами, в которых оказалась наша страна, и достиг 154 млрд долларов США.

Для сравнения, в тот же период товарооборот Китая со странами Евросоюза вырос более чем на 700 млрд долларов, а с США – на 640 млрд долларов.

Импорт российских товаров и услуг в Китай за 9 месяцев текущего года вырос на 49,9% до 94 млрд долларов, экспорт из Китая увеличился на 12,8% и составил 60 млрд долларов.

После введения санкций доля Китая в российском экспорте, естественно, увеличилась, и по ряду оценок она может вырасти до 40%.

Большая зависимость от Китая только у Северной Кореи.

Ещё несколько слов о демографии и некоторых социальных проблемах Китая.

Россия по численности населения занимает 9-е место в мире, 145 млн сегодня.

Население Китая в 10 раз фактически больше – 1 млрд 410 млн, он занимает пока ещё 1-е место в мире по численности населения, хотя Индия уже догоняет Китай.

Из-за продолжительной политики сдерживания рождаемости Китай всё-таки превратился в «стареющую» страну.

Сейчас эти ограничения сняты, но вернуть прошлый тренд не так легко.

По расчётам ООН, в Китае ещё до пандемии фиксировалась тенденция снижения рождаемости, и она продолжится минимум до 2030 года, по их оценкам.

Есть уже прогнозы, что в ближайшие годы первой по населению станет Индия. По некоторым данным уже стала первой.

Если говорить о мире в целом, то буквально на днях была зафиксирована 8-миллиардная численность населения планеты.

Лидирующие страны я уже обозначил.

В Китае множество тем остро стоят на повестке дня:

- это обострение отношений с Западом, в частности с США;
- это проблема Тайваня;
- наряду с этим демографические процессы;
- рост безработицы, особенно среди молодёжи;
- это кризис на рынке недвижимости с середины прошлого года, потому что на протяжении десятилетий китайцы скупали квартиры, считая это беспроигрышной формой инвестиций.

Благодаря этому очень сильно развивалась ипотека.

Банки получали стабильный доход, но во время пандемии правительство решило административно замедлить темпы роста ипотечного кредитования, чтобы не допустить ипотечного пузыря, которого весь мир – и мы в том числе – очень боится после кризиса 2007–2008 годов.

Заодно чтобы способствовать снижению цен на жильё.

Это вызвало проблему у застройщиков, это вызвало проблемы у банков.

В завершение коротко о недавно прошедшем съезде компартии Китая.

На нем, в частности, новым ориентиром провозглашено достижение национальной самодостаточности, особенно в области передовых технологий.

Формулировка, которая прозвучала в выступлении Си Цзиньпина, это национальное возрождение.

Думаю, для нас эти вопросы более чем интересны!

Так что нам есть сегодня что обсудить.

Надеюсь, что своим вступительным словом и поставленными вопросами я не помешал нашим докладчикам.

Александр Владимирович, Вы, как и все 3 докладчика, первый раз на нашем рабочем завтраке.

У нас есть такая традиция, поскольку этой традиции уже 30 лет, мне коллеги не позволяют её нарушать!

Перед тем как выслушивать серьёзные доклады, мы руководствуемся принципом, что «без пол-литра» разобратся в серьёзных проблемах будет сложно, поэтому поднимаем рюмку «с добрым утром».

С добрым утром, коллеги!

Переходим к докладам.

Итак, слово Лукину Александру Владимировичу.

ДОКЛАД 1

ЛУКИН А.В.

д. и. н., профессор, и. о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН, руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директор Центра исследований Восточной Азии ШОС МГИМО МИД России

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР И АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО¹

Доброе утро, дорогие коллеги. Спасибо за приглашение.

Китай – тема, конечно, интересная, и я очень рад, что Вы, Гарегин Ашотович, заинтересовались этой страной, пригласили таких крупных специалистов.

Я себя не имею в виду, но остальные тут, безусловно, крупные.

Спасибо Вам большое за такое введение.

Я сегодня буду говорить больше про американо-китайское соперничество хотя бы потому, что российско-китайского соперничества не существует.

В советское время – не в последние годы, но в определённый период – оно было, однако сейчас у нас отношения дружественные, стратегическое сотрудничество.

Кроме того, Вы правильно сказали, показали некоторые цифры, но я могу дополнить, что, когда я впервые поехал в Китай, это было в начале 80-х годов, тогда ВВП Китая значительно уступал ВВП СССР.

¹ Основное содержание данного доклада было изложено в письменном виде в статье: Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность. Россия в глобальной политике // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.

Где-то 20 лет назад ВВП Китая превосходил российский примерно в 4,5 раза.

Сейчас он превосходит в 10 раз.

По ВВП на душу населения, несмотря на огромное население, действительно, по некоторым данным, показатели примерно равны или даже Китай немного превысил по паритету покупательной способности – это по данным Всемирного банка.

Население в 10 раз больше, хотя так было не всегда.

Например, в советское время, я помню, в Китае было где-то 700 млн человек, а в Советском Союзе, как вы помните, 250 млн, то есть разница была всего лишь в 3 раза, даже меньше.

При таком разрыве, как сегодня, собственно, уже почвы для соревнования особенной нет.

Что касается США и Китая, то будем теперь болельщиками, наблюдая это соревнование.

Рассматривая тему борьбы США и Китая за влияние, надо понимать коренное различие мотивов двух стран.

США борются за лидерство и во всём мире, и конкретно в Азии по идеологическим соображениям.

В Вашингтоне считают, что лидерство США в мире является гарантией нормального развития мира.

В случае же утраты такого лидерства в результате возникновения конкурирующей силы в мире вообще всё пойдёт не так, неправильно он будет развиваться.

Например, я вам процитирую введение президента Байдена к Стратегии национальной безопасности США, которая была опубликована примерно месяц назад:

«Во всём мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка... Отвечая на этот вызов, США бу-

дут лидировать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнёрами и со всеми, кто разделяет наши интересы. Мы не оставим будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение мира как свободного, открытого, процветающего и безопасного»².

Естественно, что при таком понимании любая угроза гегемонии США в любом регионе мира рассматривается как экзистенциальная угроза самим США, причём мораль и безопасность здесь очень тесно переплетены.

Потеря геополитического лидерства ведёт к угрозе безопасности США и одновременно подрывает высшие ценности, которые США несут миру.

И наоборот, подрыв ценностей является вызовом для лидерства, что подрывает американскую безопасность.

Конечно, соотношение ценностей геополитики и конкретное содержание самих этих ценностей несколько разнится. Ну, скажем, у демократов и республиканцев или у отдельных групп правящей элиты, но в целом по поводу теснейшей связи между ними в Вашингтоне существует, можно сказать, консенсус.

В Китае ситуация совершенно другая.

Там на недавно прошедшем XX съезде КПК поставили цель: к середине нынешнего века превратить Китай в ведущую модернизированную социалистическую державу по совокупной национальной мощи и международному влиянию.

В отличие от открытой антикитайской направленности американского курса, эта стратегия прямо не ставит целью борьбу с США или кем-то ещё.

² National Security Strategy // The White House. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. P. 2.

Эта политика Китая вынужденно приобретает антиамериканский характер, так как для её осуществления Китаю приходится противодействовать курсу США на сдерживание Китая.

Процесс укрепления позиций КНР происходит как бы сам собой как результат увеличения внешнеэкономического влияния, который вызван быстрым экономическим ростом, модернизацией, укреплением вооружённых сил и активизацией политики в области безопасности.

Само укрепление этого влияния в последние годы в США рассматривается как экзистенциальный, основной стратегический вызов своей ценностно-силовой гегемонии.

В результате со времени президентства Трампа, который пришёл к власти в начале 2017 года, Китай подвергают жестокому прессингу, и ему приходится принимать ответные меры.

Эта ситуация порой и воспринимается в мире как борьба за лидерство.

Таким образом, в основе сегодняшней американо-китайской конфронтации лежит быстрое и неожиданное для США укрепление Китая и его восприятие в США в рамках американской идеологии глобального лидерства как единственной возможной формы существования страны.

Конкретным выражением здесь стала американская теория обмана США Китаем.

Согласно этой теории, разворачивая сотрудничество с Китаем, начатое ещё Ричардом Никсоном в 1972 году, когда было подписано Шанхайское коммюнике и были возобновлены отношения между США и Китаем, пока ещё неофициальные, затем в 1979 году – официальные дипломатические отношения, в Вашингтоне надеялись на то, что сотрудничество изменит эту страну, сделает её общество

более похожим на западное, а внешнюю политику – более проамериканской.

Пекин же вместо этого использовал сотрудничество для укрепления своей страны, но проамериканскую политику проводить не стал.

Тем самым как бы обманул ожидания американских стратегов.

Конечно, эта теория обмана не была основана на реальности. Китайские власти, собственно, ничего такого Вашингтону не обещали.

Более того, всегда, начиная ещё с Дэн Сяопина, они прямо говорили, что реформы нужны для укрепления Китая, а власть коммунистической партии относится к т. н. четырём базовым принципам, которые обсуждению вообще не подлежат.

Но американская вера в эволюцию Китая в нужном направлении была основана на более широком идеологическом понимании Вашингтоном исторического процесса.

Согласно этому пониманию, все общества рано или поздно должны прийти к западной политической и социально-экономической модели, которая является некой высшей формой общественного развития.

После перехода к власти Си Цзиньпина в 2012 году как внутренняя, так и внешняя политика Китая претерпела довольно существенные изменения.

Это было вызвано в том числе и изменением подхода к стратегии страны.

Произошёл отход от многих политических правил и традиций, заложенных архитектором китайских реформ Дэн Сяопином ещё с конца семидесятых – начала восьмидесятых годов прошлого века.

Обеспечение экономического роста в качестве абсолютного приоритета, та линия, которую проводил Дэн Сяопин, была заменена другими целями.

Цель ускоренного экономического роста, которая была характерна для Дэн Сяопина, имела две основы: марксистскую, так как идеальное общество – коммунизм – должно возникнуть теоретически, многие здесь помнят, на базе высочайшего развития производительных сил.

А в Китае также – и основу националистическую – осуществление «китайской мечты».

Китайская мечта – это некая общая цель китайских революционеров преодолеть отставание периода т. н. «столетия унижений» от империалистов и стремление восстановить ведущее место Китая в мире, которое было для него, как считается, характерно до этого столетия унижения, до середины XIX века.

Ради экономического роста прежние руководители КПК были готовы закрывать глаза на многое: рост капиталистических отношений, укрепление позиций частных монополий, привилегии иностранным инвесторам.

Даже не особенно активно боролись с коррупцией.

Структура власти была существенно децентрализована, регионы получали значительные финансовые и другие права.

Во внешней политике Дэн Сяопин провозгласил принцип скромности, сформулированный в китайском выражении, которое можно перевести примерно как «копить силы и не показывать своих возможностей».

Новое руководство Си Цзиньпина решило, что дальнейшее отступление от принципов социализма грозит перерождением общества.

Возникла опасность, с его точки зрения, что вскоре оно практически не будет отличаться от существовавшего общества при власти Гоминьдана, против которого, собственно, и боролись коммунисты. То есть коррупционного и такого неэффективного капиталистического общества, где господствует, как говорили марксисты, компрадорская буржуазия.

Для борьбы с этой тенденцией власть была решительно централизована и сосредоточена в руках лично лидера, который теперь называется «ядро ЦК партии».

Началась решительная борьба с коррупцией, влиянием олигархов, всяческих негосударственных инфлюенсеров в социальных сетях, с крупными компаниями, которые захватили много власти, по мнению китайских властей, и накопили слишком большое количество персональной информации о гражданах.

А с китайской точки зрения персональной информацией может обладать только государство.

И началась борьба со всякими сомневающимися в верности линии партии как внутри, так и вовне.

Новый лидер выражал настроение той части элиты и населения, которая считала, что Китай уже достаточно укрепился, чтобы постепенно отказаться от курса Дэн Сяопина на компромиссы с буржуазным миром для получения инвестиций и передовых технологий и проводить более самоуверенную внешнюю политику.

Были выдвинуты амбициозные программы: «Один пояс – один путь», «Сделано в Китае 2025» – это программа, в рамках которой предполагалось, что западные компании будут оставлять в Китае значительную часть технологий.

Были и другие программы, направленные на достижение Китаем технологической независимости и лидирующего места в мировой экономике и политике.

Сами по себе эти программы основывались на реальных экономических потребностях страны, которые вызывал экономический рост.

Это необходимость поиска инвестиционных возможностей, источников сырья и рынков сбыта за рубежом, использования за рубежом избыточной рабочей силы и производственных мощностей для крайне разросшейся китайской производственной машины.

В принципе, зафиксированная в этих программах внешнеэкономическая политика проводилась и ранее, но её фиксация в помпезно объявленных на весь мир комплексных программах свидетельствовала об отказе от политики Дэн Сяопина, от принципа скромности.

Выдвижение этих экономических программ сопровождалось изменением во внешнеполитическом и стратегическом поведении.

В Китае начали писать, что в стране созрели условия для большей внешнеполитической активности, пришло время по примеру США и их союзников создавать военные базы за рубежом, активно отстаивать свои коренные интересы за пределами страны, в том числе и военной силой, вводить санкции против тех государств, которые осмелятся проводить недружественную политику в отношении Китая.

Интересно, что в одной книге с характерным названием «Китай недоволен», вышедшей незадолго до прихода к власти Си Цзиньпина, **авторы-журналисты привели такой пример, как армия должна вести себя за рубежом по отношению к китайскому бизнесу: защищать его интересы по модели, как действуют сутенёр и прости-**

тутка, то есть брать какие-то деньги, но, с другой стороны, защищать интересы.

Вот это буквально написано в одной из книг.

Конечно, это не официальная позиция, а журналистский пример, но ход мысли здесь довольно ясен.

Эксперты высказывали подобные соображения и ранее, однако при Си Цзиньпине они постепенно переместились в официальные документы.

В стратегической сфере было значительно расширено понятие т. н. «коренных интересов», которые в китайском политическом дискурсе означают готовность к защите всеми, в том числе и военными, средствами.

Ранее это была в основном только тайваньская проблема.

Но теперь к ним стали относить не только суверенитет над Тайванем, но и борьбу с сепаратизмом в Гонконге, Тибете, Синьцзяне, все территориальные споры с соседними странами и не вполне определённые «основные гарантии стабильности государственно-политической системы и устойчивого социально-экономического развития».

Это тоже стало коренным интересом, за который надо бороться всеми силами и средствами.

Всё это, естественно, несколько смутило западный мир, стимулировало резкую реакцию, ускорило начало проведения курса на сдерживание Китая.

Трамп резко изменил прежний подход к Китаю, направленный на его подключение к международным системам в обмен на смягчение политики, и развязал фактически торговую войну против Китая.

Такое резкое изменение американского курса стало для Пекина неожиданностью.

Там считали, что китайская экономика уже настолько включилась в мировую, настолько переплелась с амери-

канской и стала с ней взаимозависимой, что Вашингтон не осмелится на принятие радикальных мер по изоляции Китая, опасаясь ущерба самому себе.

Но в США решили по-другому, потому что там считали, что политические последствия выхода Китая в мировые экономические лидеры более опасны, чем ущерб для собственной экономики в результате принятия антикитайских мер.

Кроме того, при администрации Трампа были уверены, что Китай не решится на тотальную экономическую войну, а принятие Вашингтоном протекционистских мер принесёт США пользу.

Решительные действия Вашингтона привели Пекин в некоторое замешательство, в стране начались дебаты относительно верности курса руководства, некоторые даже критиковали его в завуалированной форме, а порой даже и в прямой.

Однако консолидация власти Си Цзиньпином, который настаивал на верности своему курсу, привела к тому, что линия на активность во внешней политике и решительность победила, хотя китайская риторика и была несколько смягчена в последнее время.

Это хорошо видно из документов XX съезда КПК, который недавно завершился. Прежде всего, из отчётного доклада, с которым выступил сам Си Цзиньпин.

Авторы доклада, как и на прошлых партийных съездах, не стали включать в этот предельно общий политический документ анализ каких-то региональных конфликтов или отношений КНР с конкретными странами, как это, например, делалось в советских партийных докладах – отношения с США, отношения с Европой, с соцстранами и так далее.

Потому что это потребовало бы описания для Китая проблем, обвинений других стран и вызвало бы их ответную реакцию.

Тем не менее в докладе есть несколько блоков, которые, очевидно, направлены на укрепление собственных позиций в противостоянии с США.

Первый блок – это разработка новой комплексной системы национальной безопасности, её поддержание.

Обеспечение национальной безопасности было объявлено основной целью, основой возрождения нации.

К ней отнесены самые разные аспекты: безопасность народа – это основная цель, политическая безопасность, военная, научно-техническая, культурная и социальная безопасность, международная безопасность, а также экономическая, финансовая, биологическая, ядерная, экологическая, продовольственная, безопасность лекарственных средств, ключевой инфраструктуры, киберпространства, безопасность данных, ресурсов, космического и морского пространства.

Ставится задача повышать возможности в области предупреждения стихийных бедствий, ликвидации их последствий и оказания помощи пострадавшим.

Короче говоря, все виды безопасности собираются в единый комплекс, и всё больше и больше вещей относится к этой области.

По некоторым данным, для решения этих вопросов создаётся единая система органов национальной безопасности – от центра до уезда – под эгидой созданной ещё в 2013 году Центральной комиссии национальной безопасности КПК, подчиняющейся партии.

И во главе которой стоит сам Си Цзиньпин.

Это в дополнение к обычным органам – Министерству общественной безопасности (соответствует МВД в

России) и Министерству государственной безопасности (типа советского КГБ).

Второй блок, который беспокоит внешний мир, – чёткое изложение позиции по вопросам суверенитета над Гонконгом, Макао и, что особенно важно, над Тайванем.

Хотя никакие конкретные страны, противодействующие политике Пекина по этим направлениям, не называются, в докладе ясно подчёркивается необходимость наносить решительные удары по антикитайским силам, пытающимся провоцировать беспорядки в Сянгане и Аомэне (это Гонконг и Макао в другой транскрипции – официальной китайской, основанной на стандартном китайском произношении); твёрдо и настойчиво предотвращать и пресекать вмешательство внешних сил в дела Сянгана и Аомэня.

Учитывая обвинения Пекина в адрес США и их союзников в подстрекательстве беспорядков в Гонконге, становится совершенно ясно, кому они предназначены эти обвинения.

Что касается Тайваня, то, хотя в докладе не говорится ничего особенно нового и даже провозглашается, что наилучшим способом для объединения двух берегов Тайваньского пролива является мирное воссоединение, всё же сама эта задача объявляется исторической, которая неизбежно будет решена.

Наконец, третий, пожалуй, наиболее важный блок – это общая линия на обеспечение экономического развития с помощью современных технологий, оригинальных и перспективных научно-технических разработок, передовой науки и образования.

При этом, как сказано в докладе, ориентируясь на государственные стратегические потребности.

Успех этого курса способен сделать Китай мировым лидером не только по объёму ВВП, но и по новейшим технологиям, как гражданским, так и военным.

Вкупе с курсом на создание ещё более современной армии, которая всегда должна быть готова к войне, о чем Си Цзиньпин прямо говорил, это не может не вызвать реального беспокойства в США, опасения потерять место мирового лидера в области технологических инноваций и утратить мировую гегемонию.

Таким образом, в принципе, язык доклада указывает на то, что руководство Си Цзиньпина пытается сохранить прежний курс по содержанию, активную внешнюю политику, но при этом несколько умерив антиамериканскую и антизападную риторику, не упоминая конкретные страны, конкурентов и оппонентов, чтобы не вызвать у них излишнего раздражения, для сохранения конструктивных отношений.

Уже после съезда китайский лидер продолжил эту линию. Например, он написал поздравительное письмо участникам торжественного ужина – вот у нас тут завтрак, а у них ужин был – американского Национального комитета по американо-китайским отношениям, это такая общественная организация, которая занимается содействием взаимопониманию между двумя странами.

И написал там, что китайская сторона хотела бы совместно с американской стороной в духе взаимного уважения прилагать усилия для мирного сосуществования, сотрудничества на основе взаимного выигрыша, чтобы найти путь к правильной форме сосуществования Китая и США в новую эпоху, которая бы приносила пользу обеим странам и всему миру.

А на недавно прошедшей встрече с Байденом он прямо сказал такую фразу, что с китайской точки зрения мир достаточно велик, чтобы там уместились и

США, и Китай, что не нужно конкурировать особенно сильно и не нужна конфронтация.

Но я думаю, что урезонить американских идеологов вряд ли удастся.

В США как кадровые, так и стратегические решения китайского съезда были приняты в целом в штыхы.

Причина в том, что не осуществились надежды на изменения в Китае, которые существовали в США в разных вариантах: там надеялись на что-нибудь такое от включения в состав китайского руководства представителей и сторонников более либерального экономического курса до устранения Си Цзиньпина от власти его противниками.

Ничего из этого не произошло.

От нового состава пекинского руководства в США ожидают более авторитарной политики внутри страны и усиления самоуверенности по отношению к внешнему миру.

По поводу того, что с этим делать, в вашингтонской элите возникла дискуссия: президент Байден и его советники настаивают на своём курсе, который сам президент сформулировал в словах «идти и жевать жвачку одновременно», то есть одновременно давить, критиковать, но и разговаривать на темы, выгодные США, склоняя противника к договорённостям и уступкам.

С другой стороны, даже среди американских демократов, в особенности после XX съезда КПК, растут более жёсткие настроения.

Здесь характерна подписанная редакцией недавняя передовая статья газеты Washington Post с характерным названием «Коронация Си предвещает тяжёлое время для Китая и мира».

Её смысл сводится к критике курса Байдена, и авторы предлагают политику неограниченного давления, без кон-

структура, основываясь на том, что меры, предложенные Си на съезде, с большой вероятностью приведут к спаду в китайской экономике и социальным проблемам.

А жёсткая политика США усилит этот кризис и всё-таки заставит Китай рано или поздно сменить свой курс на более выгодный для США.

Какие можно из всего этого выводы сделать?

В создавшихся условиях противостояние Китая и США, прежде всего в соседних с Китаем странах, вероятно, в ближайшее время будет усиливаться.

Для достижения своих целей в США будут использовать опасения многих соседних с Китаем государств относительно роста китайской мощи, который, с их точки зрения, может привести к попыткам в новых условиях восстановить традиционную для Китая средневековую систему доминирования над соседями.

Особенно широко такие опасения распространены в государствах с крупной китайской диаспорой, которая использует Пекином для укрепления своего влияния, например, в Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Вьетнаме.

В результате эти и другие соседние государства часто рассматривают укрепление стратегического сотрудничества с США как некий реальный противовес китайскому вызову, даже несмотря на многочисленные противоречия с Вашингтоном.

Если взять Вьетнам, какой враг был Вьетнам для США в течение долгих лет!

А теперь у них отношения вполне рабочие исключительно потому, что они имеют общего соперника – Китай.

В нынешних условиях Китай является наиболее важным и надёжным стратегическим партнёром России, однако и развитие отношений с другими государствами в Азии, в том числе с теми из них, которые опасаются роста китай-

ского влияния, скажем, тем же Вьетнамом или, предположим, Индией, также важно для России.

В этих условиях для России разумно было бы применять диверсифицированный подход.

При общих равных условиях России было бы разумно поддерживать политику Китая, потому что это наш важнейший союзник, один из немногих в последнее время. Я имею в виду союзник не в юридическом смысле, а в смысле «наиболее дружественная страна».

Однако такая поддержка не должна быть безусловной. России было бы желательно стремиться к взаимной поддержке, при этом обуславливать поддержку отдельных китайских позиций встречными действиями китайской стороны.

При этом возможен некоторый вариативный подход к странам, которые занимают в отношении России различные позиции.

Среди азиатских стран, в том числе и соседних с Китаем, которые его опасаются, есть более дружественные России страны, например КНДР или Бирма, которую теперь называют Мьянмой.

Но есть и те, которые мы сейчас относим к недружественным, скажем, Сингапур.

Есть те, которые занимают промежуточную позицию.

Поэтому в отношении них возможен неодинаковый, диверсифицированный подход.

Я бы закончил на этом. С удовольствием отвечу на вопросы, если они будут.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Александр Владимирович, очень интересный и содержательный доклад, и сразу по ходу дела масса вопросов и комментариев у коллег возникает.

Как мы пойдём, коллеги?

Может быть, мы выслушаем докладчиков, тем более что никто из них не собирается покидать наш круглый стол.

Может быть, выслушаем докладчиков, потому что тема общая, а потом перейдём к вопросам и комментариям?

Или кто-то настаивает?

Тогда давайте, Михаил Вениаминович, если есть такое желание, пожалуйста. Академик Угрюмов.

акад. УГРЮМОВ М.В. – проф. ЛУКИН А.В.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН, д. б. н., заведующий лабораторией Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, профессор Высшей школы экономики

Угрюмов М.В.: У меня очень короткий вопрос.

Вы говорили о поддержке Китая со стороны России, но поддержку можно рассматривать в двух аспектах: экономическом и политическом, военно-политическом.

Если я правильно понимаю из того, что Вы сказали, с точки зрения экономической мы никак не можем их поддержать.

А тогда как Вы понимаете эту поддержку с учётом политической толерантности Китая?

Лукин А.В.: Я больше говорил о поддержке Китаем России, потому что в данный момент именно это более важно.

Но, естественно, по разным вопросам Россия также поддерживает Китай.

Например, по тайваньскому вопросу, крайне важному для Китая. Россия является одной из крупных стран, которая экспортирует вооружение в Китай, это фактически создало условия для модернизации китайской армии.

Потому что действует европейское и американское эмбарго на поставки вооружения в Китай. Россия также важна для Китая с точки зрения экспорта ресурсов, нефти, газа и так далее.

Мы создаём совместную систему противоракетной обороны.

В общем, тут кое-что Россия может предоставить.

Тосунян Г.А.: Хорошо, спасибо.

Коллеги, у нас есть в ZOOM поднятые руки.

Поэтому я предоставляю возможность; единственное, прошу короткий вопрос – короткий ответ.

Кстати, в ZOOM у нас сейчас 102 человека, так что аудитория достаточно представительная.

Пожалуйста. У нас Яков Моисеевич, пожалуйста, Вам слово. Профессор Миркин Яков Моисеевич.

проф. МИРКИН Я.М. – проф. ЛУКИН А.В.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор, руководитель Отдела международных рынков капитала Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

Миркин Я.М.: Спасибо огромное за доклад.

Первый вопрос: как Вы думаете, усиление централизации власти, может быть, сверхконцентрации власти, возникновение несменяемости, означает ли в будущем замедление развития Китая, как это обычно происходит?

И второй вопрос, вдруг Вы сможете ответить: по Вашей экспертной оценке, насколько сократился экспорт западных технологий в Китай – на 30%, на 50%, на 10%? Просто по ощущению. Спасибо.

Лукин А.В.: Про экспорт технологий Вам лучше расскажет профессор Островский. Моё ощущение заключается в том, что он в целом не сократился, но мог сократиться по определённым санкционным позициям, на которые конкретно наложены санкции.

Что касается централизации, то в отношении Китая что-либо предсказывать довольно сложно, потому что опыт обычных стран, в том числе и советский, показывает, что да, наверное, это сокращает рост.

Во-первых, рост в Китае и так сокращается по различным объективным причинам, потому что он идёт уже 40 лет и дорожает рабочая сила и так далее.

Но действительно, ряд мер, как считается, борьба с пандемией, основанная на принципе «нулевой терпимости», постоянные локдауны в крупных городах и вся эта кампания по борьбе с олигархами, наверное, не способствуют росту.

Но в исторической перспективе я не готов сказать, потому что, с одной стороны, есть некоторые тенденции, которые мы наблюдаем в т. н. странах-драконах, а до этого в Японии, где рост на определённом этапе заканчивался застоём.

Но Китай – это особая, огромная страна, она больше всех этих стран вместе взятых в несколько раз.

Поэтому что там будет с Китаем, сказать довольно сложно.

Но, по крайней мере, вся политика Китая направлена на то, чтобы этого не допустить.

Что будет дальше, давайте посмотрим, это интересно.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Руслан Семёнович, пожалуйста.

Гринберг Руслан Семёнович. Представлять Руслана Семёновича надо? Не надо.

чл.-корр. ГРИНБЕРГ Р.С. – проф. ЛУКИН А.В.

ГРИНБЕРГ Р.С.

чл.-корр. РАН, д. э. н., научный руководитель
Института экономики РАН

Гринберг Р.С.: Я хотел бы задать один вопрос, который меня волнует в последнее время.

Мне кажется, что в ближайшей перспективе будет обостряться проблема взаимоотношений Китая и Тайваня по разным линиям, и в частности по линии, так сказать, мировоззренческих ценностей.

Вы как человек, который знает Китай, знает ментальность и традиции его жителей, скажите, пожалуйста, что для молодых китайцев, которые учились в Америке или в Европе, которые понимают, что такое либерализм и все его преимущества, что для них важнее: получить Тайвань любой ценой или предпочесть демократизацию всей страны по тайваньскому образцу?

Есть ли какое-то противоречие здесь?

И вообще, чего хотят китайцы?

Как они хотят жить?

Кстати, что означает отмена двух сроков президентского правления?

Это возвращение к авторитаризму и, может быть, даже к тоталитаризму и они спокойно к этому относятся?

Понимаете, что я хочу спросить?

Лукин А.В.: Я понимаю, но этот вопрос – такой немногочисленный российский.

Гринберг Р.С.: В каком смысле российский?

Лукин А.В.: В том смысле, что в Китае нет таких проблем, не совсем так люди смотрят на жизнь.

Гринберг Р.С.: Я хочу выяснить, не хотят ли они жить по-тайваньски, китайская молодёжь?

Лукин А.В.: Понимаете, во-первых, говорить о том, что думает вся молодёжь, все китайцы, это вопрос такой...

Конечно, проводятся опросы общественного мнения, но вот я пришёл как-то раз в одну организацию, которая проводит опросы, её офис оказался совершенно случайно в пекинском Горкоме КПК.

Поэтому это всё довольно трудно сказать.

Но только по ощущению я бы сказал, что все идеи насчёт того, что мы хотим жить по-западному, были в Китае гораздо более популярны в 80-е годы, когда я там тоже был, работал в посольстве.

Сейчас есть большое разочарование в Западе и рост, грубо говоря, националистических настроений.

То есть если бы китайцам сказать, что давайте выбирайте между демократией и захватом Тайваня, они бы сказали: конечно, захватим Тайвань.

Вернее, воссоединимся с ним, как они бы сказали.

Что касается отношений к американской политической системе или тайваньской, которая фактически тоже система западного образца, то в то время Тайвань значительно превосходил экономически по всем показателям Китай.

Я имею в виду на душу населения, конечно.

Гринберг Р.С.: А сейчас разве нет?

Лукин А.В.: Сейчас не особо.

На вид, если не считать политической системы, это обычная китайская провинция, она особенно сильно не выделяется, по-моему, даже по ВВП на душу населения не особенно.

Гринберг Р.С.: По-моему, в 2,5 раза!

Лукин А.В.: Может быть, я точно не помню.

Может, и превосходит, но не так уж сильно.

И крупные города типа Шанхая уже, наверное, не превосходит.

В общем, я бы так сказал, что по моим ощущениям нет такого стремления.

Националистическая идея – возрождение великой страны, выход на передние позиции в мире, немного поджать там американцев, чтобы они сильно не нагнали, – это стремление больше развито, чем всякая демократия и прочее.

Хотя, конечно, люди там жалуются. Но в основном жалуются в экономическом плане – даже не молодёжь, а многие эксперты – я говорил немного об этой дискуссии, которая там была, но сейчас она загнана под ковёр, что нынешний жёсткий курс может сильно навредить экономике, такие люди есть.

Тех, кто считает, что надо сохранять курс на скромность Дэн Сяопина, да, таких людей довольно много я встречал.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Виктор Дмитриевич Кривов, пожалуйста.

д. э. н. КРИВОВ В.Д. – проф. ЛУКИН А.В.

КРИВОВ В.Д.

д. э. н., заведующий кафедрой статистики экономического факультета, заведующий кафедрой социологии и менеджмента общественных процессов Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова

Кривов В.Д.: Спасибо, уважаемый Гарегин Ашотович, уважаемый Александр Владимирович.

В 90-е годы для характеристики ситуации в американских университетах использовали такую формулу, что американский университет – это место, где русские профессора учат математике китайских студентов.

С тех пор, наверное, многие эти студенты могли стать профессорами.

Как сейчас можно охарактеризовать ситуацию в американских университетах?

Лукин А.В.: В смысле, много ли там китайцев?

Да. Там огромное количество китайцев.

Кривов В.Д.: А только студенты или профессора тоже уже доминируют?

Лукин А.В.: И профессоров, конечно, много.

Но в последнее время, начиная с Трампа, там начали принимать решительные меры по борьбе со шпионами, агентами влияния и так далее, и программы обменов серьёзно сокращаются.

Но они были настолько значительные, что так уж сильно сократить все невозможно.

В Китае, например, действуют т. н. филиалы многих американских вузов, но они на самом деле не филиалы, а

по закону – китайские вузы с иностранным участием. Примерно как российские банки с иностранным участием.

Кривов В.Д.: И какое-то сообщество китайских студентов, отучившихся в Америке, как-то можно выделить среди других китайцев?

Лукин А.В.: Там есть разные общества, есть не только студенты, есть люди, которые работают в компаниях на разных должностях, их тоже принимают.

Например, человек имеет PhD американское – его сразу делают профессором, примерно как у нас в НИУ ВШЭ.

Не то что сразу, но у нас в стране PhD официально приравнивается к кандидатской диссертации, а в Высшей школе экономики – к докторской.

Я думаю, это ликвидируют постепенно.

Но в Китае это так.

Да, они занимают должности, но я бы не сказал, что это как-то влияет на их политические взгляды.

Тосунян Г.А.: Спасибо. У нас ещё два коротких вопроса, а потом перейдём к следующим докладчикам.

Епихина Юлия Борисовна, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра.

к. социол. н. **ЕПИХИНА Ю.Б.** – проф. **ЛУКИН А.В.**

ЕПИХИНА Ю.Б.

к. социол. н., ведущий научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН

Епихина Ю.Б.: Спасибо огромное за доклад, короткий вопрос на понимание.

В начале Вашего доклада был тезис о том, что напряжение в отношениях между США и Китаем – результат несбывшихся ожиданий. США ожидали одного в отношении Китая, начиная с сотрудничества, у Китая были другие планы.

В связи с этим, когда мы говорим, что Китай для нас дружественная страна, Россия и Китай понимают дружественность одинаково?

Или это мы интерпретируем, ожидаем, что Китай в отношении нас дружественная страна, а какие планы у Китая в отношении этой дружественности, мы не очень понимаем? Спасибо.

Лукин А.В.: Вы же социолог, правильно?

Как это установить?

Дружественность закреплена в официальных документах.

Что находится в головах китайцев или их лидеров, а также российских, то тут скорее надо к психологам, чем к социологам обращаться.

Я в этом не специалист, поэтому не могу читать их мысли.

Но по тем документам, что мы имеем, по поведению и по реальной политике мы видим, что Россия и Китай – дружественные страны.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, академик Полтерович Виктор Меерович.

акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. – проф. ЛУКИН А.В.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад., главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Эконометрического общества, почётный президент Новой экономической ассоциации

Полтерович В.М.: Спасибо большое.

Я хочу озвучить две цифры и в связи с этим задать вопрос.

Валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности Китая составляет около 60% от российского и, соответственно, менее 30% от американского.

По производительности труда, по национальным показателям типа индекса восприятия коррупции и т. п. Китай очень существенно отстаёт от развитых стран.

Как Вы полагаете, сколько времени Китаю потребуется для того, чтобы всё-таки выйти на уровень хотя бы Европы?

Это первый вопрос.

И второй вопрос: не кажется ли Вам, что в результате взаимодействия России и Китая, если оно будет идти по нынешним стандартам, России грозит стать сырьевым придатком Китая?

Лукин А.В.: Вы задаёте вопросы не вполне научные. Как мы можем предсказать развитие Китая?

Если сохранятся нынешние тенденции его развития, то, наверное, он догонит...

Но смотря по каким показателям.

По общему объёму ВВП США могут догнать через несколько лет. На душу населения, конечно, потребуется ещё много времени.

По китайским планам считается, что они выйдут на уровень среднеразвитой страны к 2035 году, а к 2050 войдут в число развитых стран.

Но кто знает, что там будет в 2050 году!

Мы знаем, что многие страны, например Япония, быстро развивались, но потом там наступил застой.

Может быть, в Китае тоже что-то такое будет.

Полтерович В.М.: Вы меня извините, но Япония осталась на уровне развитых европейских стран.

Застой застою, тем не менее, по всем показателям она развитая страна.

Китаю, как Вы говорите, ещё 20–25 лет предстоит. Это серьёзное дело.

Лукин А.В.: Это план руководства.

Планы руководства, как Вы хорошо знаете, поскольку давно живёте в стране, где у руководства было очень много планов, они иногда сбываются, но чаще – нет.

Поэтому кто знает!

Про сырьевой придаток.

Что такое сырьевой придаток?

Это какой-то такой несколько идеологический термин.

Вот Австралия тоже, можно сказать, чей-нибудь сырьевой придаток, того же Китая.

Если у государства есть сырьё, то оно его продаёт.

Вопрос, мне кажется, не так надо ставить, а ставить вопрос о том, каким будет общее состояние отношений между Россией и Китаем?

Ведь между странами, большими и малыми, обязательно враждебные отношения.

Скажем, Бельгия не боится Франции, а Канада – США, хотя и не любят их в душе.

Поэтому всё зависит от отношений, от политических отношений. Пока они хорошие.

Но мы видим на примерах некоторых малых стран, что к малым странам в Китае часто относятся по-другому, чем к крупным.

Вот США хоть и враг, но США уважают, с ними пытаются говорить и так далее.

А против Монголии, даже Южной Кореи, да, в общем-то, и союзнической Северной Кореи принимают санкции.

Когда в Монголию поехал Далай-лама последний раз, Пекин ввёл санкции, так что монгольскому министру иностранных дел пришлось извиняться.

Вот это проблема – будут ли эти отношения полностью равноправными?

А там сырьё...

Полтерович В.М.: Это означает неустойчивость, на самом деле.

Слишком большая доля одного потребителя в экспорте сырья порождает зависимость от него.

Тосунян Г.А.: Виктор Меерович, давайте полемику перенесём в дискуссионную часть, потому что мы дадим Вам слово.

А сейчас завершаем вопросы.

Сергей Вячеславович, пожалуйста.

Калашникова, опять же, представлять не надо.

Долгие годы депутат Госдумы, руководитель кафедры в РАНХиГС, заслуженный экономист и так далее.

проф. КАЛАШНИКОВ С.В. – проф. ЛУКИН А.В.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калашников С.В.: Александр Владимирович, прокомментируйте в рамках своих представлений о Китае те международные инициативы, которые выдвинуты Китаем в последние 15 лет, в частности, инициативу о том, что идея общей судьбы объединяет все страны.

И вторая идея – что наступает эпоха новой конкуренции, когда страны должны конкурировать не друг с другом, а с теми современными вызовами, которые сегодня грядут.

В частности, эти идеологемы уже имеют эффект – 82 страны входят в Торгово-промышленную палату Великого шёлкового пути, и 130 стран присоединены к идее Великого шёлкового пути. Один пояс – один путь.

Лукин А.В.: В самих по себе этих лозунгах или идеях особого смысла нет, потому что их принимают формально в Китае для того, чтобы выдвинуть некую общую теорию.

Вообще, каждый лидер Китая должен выйти с какой-нибудь грандиозной теорией, чтобы показать, что он крупный политический деятель.

Но обе эти идеи показывают, что Китай не стремится к конфронтации, как я сказал об этом в самом начале. Китай, в принципе, считает, что страна на правильном пути развития и никакой конфронтации, никаких кризисов мировых ей не нужно.

В Китае считают, что если страна будет жить спокойно, сотрудничать со всеми государствами, бороться, как Вы говорите, конкурировать не со странами, а с неки-

ми тенденциями, жить единой судьбой человечества, то великая китайская мечта о возрождении Китая и его выходе на передовые позиции осуществится сама собой.

Вот какой, как раньше говорили, классовый смысл я тут вижу.

А конкретного смысла тут особенно нет, это, я бы сказал, пропагандистские лозунги.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, пропагандистские лозунги иногда наполнены смыслом, и в этом смысле китайцы удивляют тем, что умудряются даже лозунги потом материализовывать.

Это моё мнение, сейчас я не буду его раскрывать.

Я хотел самый последний и самый короткий вопрос задать Александру Владимировичу.

Александр Владимирович, в какие годы Вы в Китае были?

Лукин А.В.: Был в каком смысле? Постоянно жил?

Тосунян Г.А.: Да.

Лукин А.В.: Я там два года работал в 80-е годы.

Тосунян Г.А.: У меня родители работали там в 1976–1978 годы и 1980–1983 годы.

Я хочу понять, в это время Вы были там?

Лукин А.В.: В 1983 году только приехал на стажировку в посольство на три месяца.

Тосунян Г.А.: Спасибо! Значит, не пересеклись.

Сейчас слово Алексею Александровичу Маслову, профессору, я уже его представлял.

Пожалуйста, Алексей Александрович.

ДОКЛАД 2

МАСЛОВ А.А.

д. и. н., профессор, директор Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В КИТАЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ

Спасибо большое, коллеги!

Я в известной степени продолжу некоторые тезисы, про которые говорил Александр Владимирович, поскольку они совпадают в основном и с моим видением.

Отмечу три момента, которые важны для понимания динамики социально-политической ситуации в Китае.

Во-первых, старая модель развития, которую Китай активно проповедовал, начиная с периода Дэн Сяопина, больше реализовываться не может.

И классическая «дэн сяопиновская» модель истощила себя.

Это главное, что мы сейчас видим во всех социальных изменениях в Китае, что особо подчёркивалось на XX съезде КПК.

Плавный переход на модель был продуман очень грамотно. О ней официально, хотя и косвенно было заявлено с 2013 года (что, в частности, позже реализовалось в кампаниях «Сделано в Китае 2025» «Китайский стандарт 2035», «Пояс и Путь» и др.), в реальности же её разработкой начали заниматься значительно раньше.

Период 2002–2012 годов, время правления предыдущего руководства Китая, был, если так можно сказать, периодом опьянения от больших цифр роста.

Действительно, они были гигантские – по некоторым южным провинциям рост ВВП определялся двузначными цифрами, 11–14%.

Рост ВВП по северо-восточным регионам был значительно ниже, но это никого не смущало.

В тех районах, которые активно росли, начали развиваться местные элитные группы (в частности, гуандунская, фуцзяньская, сычуаньская группы), которые, формально подчиняясь центру и соблюдая партийную дисциплину, перехватывали, тем не менее, контроль над основными региональными финансовыми потоками.

Многие из этих групп ориентировались на экспортно-импортные операции, прежде всего на США и Великобританию, и во многом зависели от расширения взаимодействия.

Такая тенденция представляла опасность: в истории Китая есть множество примеров распада страны по линиям регионов, по линиям этнических групп.

Китай довольно неоднородная страна с точки зрения этноса, и даже в китайском языке фигурирует, по разным подсчётам, от 9 до 12 языков и десятки диалектов.

Это – историческая сложность Китая, время от времени такие угрозы внутренних противоречий возникают.

После прихода к власти Си Цзиньпина одной из главных идей стала консолидация власти.

Не потому, что он патологический любитель абсолютизма, а потому, что иначе потенциальная опасность могла бы стать реальностью.

Надо понимать логику, зачем он это делает.

И американская критика, о которой очень правильно говорил Александр Владимирович...

Тосунян Г.А.: Будем, конечно, верить Си Цзиньпину, но было бы удивительно, если бы он не подвёл такую глубинную идеологическую базу...

Маслов А.А.: Я соглашусь, но неважно, как они объясняют эту идеологию.

Я надеюсь, Андрей Владимирович Островский будет говорить про политический нарратив, который прозвучал на XX съезде.

Я говорю в общем о том, что может происходить в Китае в дальнейшем.

Мы живём на протяжении небольшого исторического периода, и мы воспринимаем Китай как абсолютно единую большую страну.

Это глубиннейшая ошибка со многих точек зрения.

Есть политически единый Китай.

Но нет никакого единого Китая с точки зрения бизнеса, например, если говорить об экспорте товаров.

Нет единого Китая с точки зрения банковско-финансовых интересов, хотя есть единая финансовая система.

Всё это – отголоски сложных исторических процессов, которые и сегодня влияют на Китай.

И сами китайцы очень хорошо это чувствуют.

И нам надо понимать логику того, что сейчас происходит. Как это объяснить — это вопрос политологии, а что происходит изнутри – это вопрос социологии.

А изнутри как раз и происходит консолидация сил и групп Китая для нового рывка.

Второй очень важный момент.

В Китае начались сложности, связанные с проблемами роста.

Во-первых, это огромный разрыв между регионами в накоплении капитала, в концентрации промышленных мощностей и технологических прорывных центрах.

И сколько бы ни пытались в прошлом и тем более сегодня китайские лидеры преодолеть эти проблемы роста и «разрывы», они непреодолимы в реальном времени.

Например, мы знаем, что экономический рост по южным китайским регионам Фуцзянь и Гуандун продолжается даже в период резкого замедления экономики, и структурно, а также финансово экономика здесь устойчива.

Но если мы посмотрим, что происходит в северо-восточных регионах Китая, которые соприкасаются с Россией, там экономика всё время в районе $\pm 2\%$ ВВП. Причём интересно, что цифры, которые официально дают китайские коллеги, не бьются с региональными цифрами.

Возможно, проблема ещё больше.

То есть Китай и Россия соприкасаются своими самыми неразвитыми экономически регионами.

Есть трудности у северо-западных регионов Китая, которые соприкасаются с Казахстаном?

Например, там огромные сложности с инфраструктурой и привлекательностью бизнеса и для внешних, и для внутренних инвестиций, несмотря на большие стимулирующие меры со стороны государств.

И это тоже одна из проблем роста.

Другая проблема роста заключается в том, что в Китае действительно резко идёт сокращение молодого трудоспособного населения.

И хотя формально Китай по количеству населения ненамного опережает Индию, по количеству трудоспособного населения всё наоборот, Индия опережает Китай.

И поэтому Индия предлагает цены на продукцию, цены на производство ниже, чем в Китае.

В среднем затраты по производству в Индии составляют от 40 до 50% от китайских цен.

Та же самая история с Индонезией, Вьетнамом, всеми другими странами ЮВА.

Очевидно, что цена – это ещё не всё, потому что есть и вертикальная интеграция, которая прекрасно развита в

Китае, есть проблемы логистики в странах ЮВА и так далее.

Но в любом случае стоимость рабочей силы и её молодость очень сильное конкурентное преимущество многих стран Азии перед Китаем.

Китай подорожал, Китай стал неконкурентен по сравнению с Индией, с Бангладеш и так далее, и поэтому основными конкурентами для преодоления ловушки среднего уровня доходов Китай рассматривает Японию, Республику Корея, страны ЕС.

Очень важный момент демографический, необходимость огромных капиталовложений на поддержание пожилого населения.

Сегодня Пенсионный фонд Китая должен по выплатам более 1 триллиона долларов для перечисления в региональные пенсионные фонды, и лишь две провинции способны сами покрыть пенсионные выплаты без трансфертов из центрального бюджета.

Причём сама реализация пенсионной реформы в 2010 г. была, безусловно, правильным действием правительства, потому что тем самым оказались сняты многие социальные противоречия.

Но это же повлекло огромные затраты.

И они будут существовать, пока живо нынешнее поколение.

Частично это последствия политики «Одна семья – один ребёнок».

Демографическое падение заставляет Китай пересматривать структуру промышленности.

Если раньше можно было просто за счёт дешёвой, постоянно конкурирующей между собой рабочей силы предлагать очень низкую цену за продукцию, сегодня нужно переходить на другое качество рабочей силы, на более высокотехнологичное производство.

И тот план, который здесь упоминался, «Made in China 2025», это план технологического лидерства.

То есть Китай должен перейти на новую систему производства.

Такая стратегия была предложена при Си Цзиньпине, хотя разрабатывалась значительно раньше точно так же, как план под названием «Китайский стандарт 2035», то есть стандартизация продукции под китайские технологии.

Китай начал претендовать именно на технологическое лидерство не потому, что он, как иногда представляется некоторым экспертам, очень хочет «захватить часть мира», а потому, что он решает свои внутренние проблемы.

Таких проблем, на самом деле, десятки.

Как Китай начинает социально интегрировать свои регионы?

Китай действует на большом горизонте, и одна из главных внутренних программ называется «Новая инфраструктура».

Китай сумел в рамках этой программы увязать несколько абсолютно формально не связанных структур.

Это транспортная инфраструктура – железные дороги, перевозки, логистика.

Это промышленная инфраструктура.

Это передача энергии с малыми потерями, менее 2% на передачу с одного региона на другой.

Это информационная инфраструктура.

И ещё целый ряд инфраструктур.

В программу закладывается более 2,5 млрд долларов, отдача ожидается в течение 15–20 лет. За счёт таких инвестиций Китай получает постоянную подпитку доходов населения.

И это тоже одна из проблем, поскольку Китай не способен сейчас найти внутри страны те отрасли, которые мо-

гут дать быструю финансовую отдачу, и повысить сбережения населения.

А накопления населения падают.

Несмотря на постепенный рост ВВП на душу населения, мы видим, что в целом идёт серьёзное замедление роста ВВП Китая, а по некоторым регионам – отрицательный рост.

И как следствие – социальное недовольство.

Оно не является критическим, но совокупно всё это даёт некую кризисную массу.

Например, очень большие задолженности частных вкладчиков по ипотеке, особенно по центральным регионам – Хэнань, Хэбэй.

Мы впервые увидели серьёзные антибанковские выступления, которые прошли в этом году.

Правда, китайцы тут же сообщили, что это инициировано некими «соотечественниками», которые вернулись из США и подбивали людей выйти на улицы.

Как они объясняют, это другой вопрос.

Важно, что действительно существует очень большая задолженность регионов перед центральным бюджетом, региональных банков перед пятёркой центральных банков, ипотечная задолженность населения, «мёртвые долги» и так далее.

Мы впервые увидели в этом и частично в прошлом году крах целого ряда девелоперских фирм, в том числе многопрофильного китайского инвестиционного холдинга, крупнейшего оператора жилой и офисной недвижимости Evergrande и многих других.

Это фирмы, которые были структурными островками развития строительной индустрии, причём делали всё – от производства металлоконструкций и цемента до финального строительства домов и внутренней отделки. Ущерб от банкротства этих компаний измеряется сотнями миллионов долларов.

Мы также впервые увидели атаки и на формально частные технологичные компании, выросшие из креативных технологических стартапов

Объяснение, мне кажется, Александр Владимирович дал очень правильное, я не буду повторять, но это серьёзно напугало бизнес нынешних стартапов.

Так на что же Китай пытается сделать упор сейчас, чтобы купировать сложившуюся ситуацию?

Попутно я хотел бы ответить на вопрос, который здесь прозвучал: насколько упал импорт технологий США в Китай?

Естественно, никто точную цифру не назовёт, учитывая весьма запутанную сему технологических трансферов, поэтому есть лишь консолидированные экспертные оценки. По подсчётам тайванских исследователей, он упал почти на 40%. По данным Гонконгского университета – на 20–25%.

За счёт чего происходил импорт этих технологий? На территории китайских университетов открываются иностранные лаборатории – преимущественно американские и британские. Они разрабатывают и патентуют технологии в том числе и на совместные компании.

Поэтому формально очень сложно подсчитать, на какую сумму конкретно переданы эти технологии. Если технология разработана совместной компанией, находящейся на территории Китая, это рассматривается как китайская технология.

Вопрос в другом: подавляющее большинство крупных университетов, которые работают на территории Китая – Нью-Йоркский, Дьюкский, Ноттингемский, в этом году отозвали почти всех своих высокотехнологичных специалистов, которые работали в Китае. Лаборатории формально остались, но специалистов там нет.

И примечательно, что целый ряд предприятий, которые выпускали продукцию для американских компаний

под супервайзерством американских инженеров, также отозвали своих специалистов в США.

Таким образом, на Китай действительно идёт атака, остающаяся за пределами официальных обвинений, причём весьма изошрённым способом.

Вероятнее всего, из-за того, что Пекин вторгся в ту область, на которую претендуют США, – область высоких инновационных технологий.

Что это значит для России?

Во-первых, я не думаю, что Россия является сырьевым придатком Китая.

Если посмотреть, по крайней мере, на прежнюю структуру ВЭДа, то в этом смысле Россия являлась сырьевым придатком любой страны.

Во-вторых, это единственное, за счёт чего мы можем сейчас существенно наращивать торговлю с Китаем.

Обратите внимание, есть две цифры, которые друг с другом не бьются, но они очень хорошо показывают реальность.

По прошлому году мы вышли на 141–146 млрд долларов товарооборота с Китаем, в этом году перевалим за 190 млрд долл.

Хорошая цифра, она растёт. Но при этом по прошлому году Китай вышел на торговлю с США почти на 800 млрд долларов, с Евросоюзом – на 850 млрд долларов. Сопоставимые цифры с АСЕАН, с Японией.

То есть Россия даже при нынешнем росте торговли с Китаем не является главным торговым партнёром для Пекина.

А для нас же это – торговый партнёр номер один.

Судя по всему, мы увеличим торговлю с Китаем в этом году минимум на 30%.

Но если мы посмотрим, каков объём накопленных инвестиций из Китая в Россию, мы увидим, что он крайне невелик.

Есть реалистичные подсчёты и подсчёты оптимистичные.

На самом деле, между ними разница невелика.

По оптимистичным подсчётам, которые дают коллеги из Сколково, это 80–90 млрд долларов.

По реалистичным подсчётам – 30–40 млрд долларов.

И, по-моему, все китаисты склоняются к реалистичным подсчётам.

В принципе, разницы существенной нет, потому что Китай вкладывал в США ежегодно 40–50 млрд долларов, а у нас это – накопленные инвестиции.

Откуда берутся оптимистичные прогнозы?

Подсчитываются не только прямые, но и косвенные инвестиции, которые идут через другие страны.

И если мы смотрим крупные инвестиционные проекты, практически все они лежат в сфере энергетики: это «Арктик-2 СПГ», «Ямал СПГ» и другие.

Всё остальное – лишь по мелочам.

Если посмотреть, куда бы мы хотели привлечь инвестиции, то это территории опережающего развития, формально, на бумаге, хорошо построенные, с очень хорошим инвестиционным климатом.

Но Китай туда не пошёл.

И этому тоже есть объяснения, потому что если проанализировать, в какие области Китай вкладывает инвестиции в США, то увидим, что 92% приобретений Китая в мире, в США и в Европе сделаны за счёт слияний и поглощений известных компаний, при этом были получены технологии, сеть сбыта и производство как таковое.

США вкладывали в Китае исключительно в «гринфилдс», и более 90% инвестиций США направляли на проекты, создаваемые с нуля.

Логика Китая – это покупка существующего продукта!

Были попытки купить что-то в России, например бренд Kalashnikov.

Но мы Родину не продаём.

Ничего другого из крупного «брендированного продукта» Китай у нас не нашёл.

Когда Россия что-то предлагает Китаю помимо сырьевого сотрудничества, например площадку под застройку, Китай такие проекты не рассматривает.

И не потому, что Китай плохо относится к России, а потому, что в Китае прагматика сделки заключается в том, чтобы работать на уже готовом бизнесе, а не строить его за рубежом «с нуля».

Откуда в Китае берутся деньги для инвестиций?

Ни одна китайская крупная компания не работает на своих капиталах, даже располагая ими.

Они обращаются в банк за кредитом, который должен быть застрахован в Агентстве экспортно-импортных операций государства. Агентство страхует очень просто – оно не смотрит на содержание инвест-проекта, оно смотрит на регион, на его доходно-расходную часть.

Например, анализируя экономику регионов Дальнего Востока, Еврейской автономной области и видя, что покупательская способность населения очень невелика, Агентство не страхует, банк не даёт кредит.

Предприниматель может работать на своих деньгах, но он этого делать не будет.

То есть у нас не все понимают, как изнутри устроено кредитование внешней сделки, хотя здесь особых секретов нет.

Есть ещё один момент.

В течение последних 3 лет мы совершили прорыв в области торговли, заметно увеличив поставки агропродукции.

Это несопоставимо в денежном выражении с продажами нефти и газа, но это очень важно с точки зрения диверсификации взаимодействия.

Западные эксперты полагают, что Китай обеспечивает себя продовольствием на 50%, китайцы утверждают: на 60–70%.

В данном случае расхождения не столь большие.

Главное, что Китай будет оставаться крупнейшим импортёром продуктов питания.

И здесь Россия имеет большие преимущества, потому что по цене и по качеству в этой области мы конкурентоспособны.

Но надо учитывать, что Китай – это очень ёмкий рынок.

Это значит, что там работает и Новая Зеландия, и Австралия, и целый ряд других государств с качественными агропродуктами.

В этом плане выход российской продукции, с одной стороны, большое достижение, с другой стороны, есть небольшие проблемы.

Из-за незнания особенностей рынка мы теряем наши торговые марки.

Китайцы нередко откровенно регистрируют торговые марки на себя, мы сбрасываем эту продукцию в Китай с точки зрения поставок в основном как оптовую продукцию и не выходим на конечного потребителя, и, таким образом, для китайского дистрибьютера всегда можно российскую продукцию заменить любой другой под уже привычной маркой.

Этот вопрос широко известен и в Министерстве сельского хозяйства.

Но это всего лишь одна из проблем в этой области.

Если же рассматривать развитие российско-китайских отношений более глобально, я не думаю, что именно в экономике мы сделаем серьёзный рывок вперёд.

Конечно, сегодня китайские компании в целом опасаются вторичных санкций, это факт.

С российского рынка ушёл целый ряд компаний первого эшелона, в том числе Huawei, Xiaomi.

Но при этом общий объём поставок электроники из Китая в этом году не упал, а увеличился в ценовом отношении (денежном выражении) РК.

Это значит, что на российский рынок приходят китайские компании второго эшелона, которым нечего делать на американском рынке, их туда просто не пустили.

И в Китае они конкуренцию у «грандов» рынка выиграть не могут.

Они поставляют свою продукцию в Россию как напрямую, так и через ЕАЭС.

В Россию пришли как минимум 4 китайские автомобильные компании.

И это не электроника позавчерашнего дня, а вполне современные автомобили.

Но интересно, что они стыдливо прячут свои бренды, потому что тоже боятся вторичных санкций.

И это будет продолжаться, хотя никакого негативного решения по России Китай не принял и, очевидно, не примет.

Так же как и не будет более жёстко формулировать своё отношение к ситуации.

Мы ожидаем от Китая, чтобы он однозначно заявил, что он поддерживает Россию и докажет это на деле, например, поставками высокотехнологичной продукции.

Китай так не будет никогда заявлять, как, впрочем, он никогда так не заявлял и раньше.

Дело в том, что Россия в общей китайской экономике занимает очень небольшое место.

Действительно, главная проблема для Пекина – восстановление экономических отношений между Китаем и США.

Почему Китай, на мой взгляд, тем не менее, не уйдёт с российского рынка и в том числе с российского политического рынка?

Потому что тогда Китай остаётся один на один, лицом к лицу с США.

А других крупных дружественных партнёров, кроме России, у Китая на самом деле нет.

Россия – единственная страна, которая разделяет, в том числе политические, идеалы Китая и по Тайваню, и по системе коллективной безопасности.

Китай и Россия практически параллельно выступают в ШОС, в БРИКС и так далее.

То есть для Китая Россия крайне важна в политическом плане.

Может ли Китай повернуться к нам спиной?

Китай прекрасно понимает, что отношения между Россией и Китаем – это отношения между государствами, между лидерами.

Очевидно, вся модель Китая заключается в том, чтобы быть независимым от Запада ровно настолько, насколько это не вредит Китаю – от технологий, разрабатывая свои, до валютных операций, разрабатывая свои альтернативные формы платежей.

Китай не станет никогда частью западного мира, это понятно, а вот Россия через 10, 20, 30 лет...

Какие у Китая есть гарантии, что Россия не повернётся к нему спиной?

А их нет, их невозможно дать!

Это то, что по-настоящему волнует Китай, китайское руководство.

Россия – единственный крупный партнёр, у которого довольно необычный статус.

И наконец, последнее, но не менее важное.

Насколько хорошо само китайское население относится к России?

Надо понимать, что мы иногда путаем несколько моментов.

Александр Владимирович правильно говорил, что понятие дружбы, оно психологическое.

И внутренний «глубинный» Китай, конечно, на мой взгляд, хорошо относится к России, к россиянам, к взаимодействию с Россией.

Однако то, что всегда отличает Китай, это глубокий практицизм сознания.

Китайский бизнесмен – прагматик, китайский политик – прагматик.

И прагматизм всегда будет превалировать над чувствами дружбы, точнее, дружба будет частью той же прагматической конструкции.

Поэтому Пекин может ненавидеть Вашингтон, и действительно, в целом китайское население не очень позитивно относится к США, но сотрудничать в экономическом и технологическом плане будет скорее с американцем, и с британцем, и даже с японцем, столь ненавидимым в Китае, чем с россиянином, по ряду стереотипов.

Что мы проиграли в Китае?

Мы полностью проиграли в Китае информационное пространство, освещающее Россию, потому что подавляющее большинство китайцев о России узнают от самих же китайцев.

В Китае очень мало людей, которые объективно относятся к России.

У нас нет существенного информационного присутствия в Китае, которое могло бы реально влиять на повседневное и политическое сознание жителей Китая.

В 2019 году, ещё до начала COVID, мы проводили в Китае соцопрос: знают ли они о российских инициативах в области территорий опережающего развития?

Андрей Владимирович отвечает заранее.

Он правильно говорит: да не знают они, конечно!

Потому что нам кажется, что, если министр министру сообщил, и тут же всё как-то начало работать!

Нет, рядовые китайские бизнесмены о российских инициативах не знают.

Мы варимся в своём соку.

Общие каналы связи с Китаем не особо сильно работают.

И многие бизнес-ассоциации, а их у нас около 40, неэффективно работают с Китаем.

Это тоже большая проблема.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Алексей Александрович.

Переходим к вопросам.

Я начну с Михаила Фёдоровича Черныша, члена Академии, руководителя Федерального научно-исследовательского социологического центра при РАН.

Пожалуйста.

чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф. – проф. МАСЛОВ А.А.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН, д. социол. н., Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН

Черныш М.Ф.: Уважаемые коллеги, у меня очень короткий вопрос.

Дело в том, что китайцы, и на протяжении многих лет мы в этом убеждались, прекрасные копировщики, они воспроизводят американские, немецкие и даже наши технологии.

В конце концов, весь их космос – это наш космос.

Но существует проблема креатива, производства абсолютно новых, нестандартных, ни на что не похожих продуктов. Как мне кажется, эта проблема в Китае до сих пор не решена.

Есть ли перспективы того, что китайцы сами станут креативной страной в плане науки и производства?

То есть будут производить те продукты, которых больше нигде нет, кроме как у них, и будут предлагать их миру?

Спасибо.

Маслов А.А.: Вы знаете, мне кажется, во-первых, они уже стали.

И почему китайцы копировали?

Не потому, что они копировщики по своему генокоду, а потому, что китайцы оптимизируют любое производство.

Украсть дешевле, чем создать.

Это понятно? Да и создавать-то было некому!

Сейчас, например, в Китае работают над абсолютно новым промышленным дизайном печатных плат.

Это специалисты четвёртого поколения, чьи предшественники три десятилетия назад обучались в США, в Великобритании, вернулись в Китай.

Их называют хайгуй – «заморские черепашки».

Они, образно говоря, приплыли обратно к китайским берегам, они в университетах воспитали своё поколение, и уже 4-е поколение создаёт свои продукты.

Посмотрите на технологические продукты, которые предлагаются на Алибабе, на площадках типа JD.

Вы там увидите фантастические вещи.

Кажется, всё это копеечное производство, но я ради интереса посмотрел – многие из них защищены патентами.

На самом деле период копирования Китая прошёл.

Точно так же, как в 20-е годы в Советском Союзе мы копировали всё, от тракторов до горнодобывающего оборудования, отработали эту позицию, создали своё инженерное поколение и рванули вперёд.

Я думаю, на этом этапе сейчас находится и Китай.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Павел Алексеевич Медведев.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МАСЛОВ А.А.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен Ассоциации
российских банков

Медведев П.А.: Спасибо большое за очень интересный доклад.

Русский фольклор устроен очень несимметрично по отношению к разным этносам.

Один мой знакомый, который изучал китайский язык, говорил, что китайский язык тоже очень несимметричен по отношению к разным этносам.

И главный китайский музей истории тоже несимметричен, и очень обидным образом для российского государства и русского народа.

Это соответствует действительности или нет? Спасибо.

Маслов А.А.: Уже частично, скажем так.

Потому что, если говорить про музеи в Китае, сохранились так называемые музеи истории пограничных отношений, где, конечно, карта нарисована не так, как мы их рисуем, – это правда.

И в учебниках истории, особенно в школьных, рассказываются в других терминах подходы к формированию российско-китайской границы.

Пекинский трактат, договор 1860 года, кяхтинский договор, айгуньский договор и так далее – это всё действительно присутствует.

А если почитать российские учебники и перевести их на китайский язык, посмотреть, как китайцы будут читать, это же тоже ведь получается очень несимметрично?!

Любой человек, который знает китайский язык, так уж исторически сложилось, всегда автоматически старается понять, как это будет звучать на китайском.

Попробуйте перевести словосочетание «сопряжение России и Китая».

На самом деле нет такого слова в китайском языке, надо его выдумывать, чтобы правильно донести смысл.

Во-первых, понятно, что для нас это попытка уйти от вхождения в «Пояс и Путь», мол, мы не члены китайского «Пояса и Пути», мы «сопрягаемся» с ним.

Это отлично для нас звучит, но те, кто придумал этот термин, не понимали, что однажды китайцы тоже будут пытаться понять, что такое «сопряжение».

Связь – да, но связь бывает экономическая, политическая и так далее.

Есть ещё хуже выражение – «разворот на Восток».

Когда мы переводим на китайский язык, это примерно то же самое выражение, что мы поворачиваемся к ним лицом, а до этого чем мы к ним стояли?

А не обидно ли великому Китаю?

Плюс к этому надо понимать, что понятие «разворот», или «поворот на Восток», это был один из британских терминов, когда британцы оккупировали Индию, сделали её британской колонией, и, чтобы индийцы не очень обижались, британцы сообщили, что они развернулись на восток. Заодно торговали опиумом.

Понимаете, ведь восточное сознание – китайское и индийское – помнит эти обиды, и поэтому говорить о неравноправности языка...

Я на 100% согласен, что он не равноценен в плане перевода, но нам тоже надо очень аккуратно подбирать термины.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Виктор Дмитриевич, пожалуйста.

д. э. н. КРИВОВ В.Д. – проф. МАСЛОВ А.А.

Кривов В.Д.: Спасибо, уважаемый Гарегин Ашотович, спасибо, уважаемый Алексей Александрович.

Много китайских студентов учатся в России.

И не только в центральных – Московском, Петербургском, но и в региональных университетах.

При этом мой собственный опыт показывает, что качество подготовки к обучению на русском языке очень низкое. Соответственно, плохое качество учёбы.

Для чего это нужно российским университетам, понятно.

Это заработок, доходы.

А зачем это нужно с прагматической точки зрения Китаю? Спасибо.

Маслов А.А.: По доковидным цифрам в России училась 21 тысяча китайских студентов, причём на всех видах и уровнях обучения.

Это, на самом деле, очень мало.

Лишь меньше трети китайцев учатся на стипендиях, большая часть обучаются за свой счёт.

Россиян, которых меньше в этом мире, чем китайцев, училось в Китае 17–18 тысяч.

Причём, если китайцы приезжают на весь срок обучения, то есть на 4–6 лет, россияне на короткие сроки обучения – на полгода, год.

Теперь вопрос: зачем?

В Китае всё устроено таким образом: те китайцы, которые имеют деньги и хорошо могут сдать тестирование, уезжают в крупные западные университеты, прежде всего в американские и британские, а также в новозеландские, канадские, австралийские и так далее.

В США учатся одновременно более 100 тысяч китайцев, а всего там обучилось более 600 тысяч за весь период.

В Великобритании – 62 тысячи китайских студентов. Вот это первая волна – самых талантливых и богатых.

Вторая волна остаётся учиться в престижных китайских университетах, там тоже есть свой ЕГЭ (гаокао), более сложный, чем у нас. Причём есть ещё и лимиты по провинциям.

На каждую провинцию даётся определённая квота, и как бы вы хорошо ни учились, если квота выбрана, вы не можете эту квоту преодолеть.

И они поступают в ведущие китайские университеты: Пекинский, Цинхуа, Фуданьский, Шанхайский и другие.

И есть третья волна поступающих, которые, мягко говоря, менее талантливы и менее богаты.

Им нужен любой иностранный диплом.

И тут наступает черед России с её большими квотами, практически без отбора, то есть заполнил анкету – и почти 100% прошёл для обучения в России.

В основном это дети недавно переселившихся в города бывших крестьян, которые, конечно же, не очень хорошо образованы.

Некоторые учили русский язык в Китае, где нет жёстких требований к русскому языку, поэтому мы получаем тех, кого получаем.

И так будет, пока не реализуется предложение Министерства образования – перейти с квот на систему грантов иностранным студентам.

Когда это сделаем, будем иметь другое качество китайских студентов.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вам слово, Михаил Вениаминович.

акад. УГРЮМОВ М.В. – проф. МАСЛОВ А.А.

Угрюмов М.В.: Мы прослушали два совершенно потрясающих доклада, и в обоих я услышал то, что регулярно узнаю из СМИ: Китаю для процветания – я немножко утрирую – просто необходимо сотрудничество с нашей страной.

С другой стороны, из Вашего доклада я понял, что если не брать наши ресурсы, то сотрудничество в высокотехнологической сфере между Россией и Китаем минимально.

И это сотрудничество может быть выражено в большей степени в области коллективной безопасности, имеется в виду прежде всего в военной безопасности.

С точки зрения политики толерантности Китая какое это имеет вообще значение для Китая?

Маслов А.А.: Очень точное замечание.

Я думаю, здесь ответ простой.

Он заключается в том, что логика технологического сотрудничества Китая с другими странами строится по-другому, чем наша.

Как Китай сотрудничает?

Он может заключить договор университета с университетом, академического института с академическим институтом – это будет абсолютно пустой формальный договор.

Это мы хорошо знаем.

Параллельно и латентным образом Китай узнает, чем ваш институт занимается, и напрямую пригласит его выпускников или учёных работать в Китай.

Помните знаменитую фразу, что легче купить менеджера, чем весь завод?

Вот и покупают таким образом нужного специалиста.

Средняя зарплата в Китае для профессоров зарубежных университетов, которые приезжают из России, от 6 до 7 млн рублей в год плюс ещё финансирование лабораторий.

Вы можете приехать туда со своей лабораторией, со своей темой, за 3–4 года отработать опытный образец, вывести его на производство, передать все планы и спокойно уехать.

Поэтому формально, если мы посмотрим по количеству совместно реализованных проектов, их у нас очень мало.

Из всей продукции, которую Россия поставляет в Китай, и наоборот, Китай в Россию, высокотехнологичная продукция составляет менее 10–15%.

Наши коллеги довольно активно работают в Китае, но именно по экономическим причинам.

В Китае создано как минимум две известные мне – на самом деле, может быть, и больше – специальные высокотехнологичные зоны.

Одна в Сиане, вторая в Гуанчжоу, которые активно приглашают россиян, где создаются стартапы, и российские компании там открывают свои китайские резиденции в китайской налоговой системе.

Угрюмов М.В.: Означает ли это, что люди, которые уезжают в Китай, не имеют возможности реализовать здесь свой потенциал?

Маслов А.А.: Скорее всего, да, потому что большинство объяснений, которые они дают: нет лабораторного оборудования, нет внедренческого процесса.

Я приведу всего лишь один пример.

Российские учёные разработали уникальные искусственные коленные и локтевые суставы для пересадки и

никак не могли внедрить, потому что нет денег, нет выхода на клиники.

Они открыли китайскую компанию в специальной экономической зоне, им дали небольшой стартовый капитал, на наши деньги это было около 10 млн рублей.

Они довели всё до опытного образца, а поскольку в экономической зоне выгодно, чтобы была какая-то окупаемость, они вместе с этим опытным образцом вышли на китайские клиники и внедрили его в работу.

Это российская технология, но переданная в Китай.

Угрюмов М.В.: Что касается коллективной безопасности, насколько Китай в этом заинтересован?

Маслов А.А.: Думаю, что очень заинтересован, потому что Китай до конца не очень понимает, как строится коллективная безопасность за пределами азиатского мира.

То есть в Китае исторически отработанная система работы с азиатскими партнёрами, но, как только Китай выходит за пределы Азии, возникает целый ряд вопросов.

Но в Китае есть концепция комплексной коллективной безопасности, которая включает и кибербезопасность, и безопасность продовольствия, не говорю уже о военной безопасности. Китай в одиночку обеспечить всё это не может по десятку причин.

Поэтому Китай как раз в этом плане сотрудничает с Россией.

Но по коллективной безопасности он собирается сотрудничать и с США.

В этом плане он абсолютно толерантен.

Тосунян Г.А.: Яков Моисеевич, пожалуйста.

проф. МИРКИН Я.М. – проф. МАСЛОВ А.А.

Миркин Я.М.: Спасибо за доклад.

Вопрос: у России отрицательный торговый баланс с Китаем, в то же время у России был очень крупный положительный торговый баланс в её отношениях с Европейским союзом.

Есть ли экспертная оценка, насколько цены на сырье, поставляемые в Китай, ниже рыночных?

Маслов А.А.: Спасибо большое.

Насколько я понимаю, что такое торговый баланс, то у нас положительный торговый баланс с Китаем.

Миркин Я.М.: У нас отрицательный торговый баланс, у нас импорт превышает экспорт.

В прошлом году это 4 млрд долларов, притом что позитивный торговый баланс с Европейским союзом был огромен, по-моему, больше 100 млрд долларов.

Соответственно, на стоимостные объёмы экспорта влияют объёмы физические и влияют цены.

Экспорт – это выручка.

Маслов А.А.: Да, я прекрасно понимаю.

Если мы посмотрим данные по этому году и по прошлому, всё-таки экспорт из России превосходит импорт из Китая по стоимостному выражению.

Миркин Я.М.: Я тоже посмотрел данные статистики – 4 млрд, отрицательный торговый баланс.

Маслов А.А.: Яков Моисеевич, давайте ещё раз перепроверим друг друга.

Надо смотреть, но на самом деле, если говорить о том, насколько мы дешевле продаём, чем среднемировые цены, которые тоже колеблются, обычно называется такая цифра: от 5% до 30% дешевле мы продаём наши энергоресурсы.

Стоит ли всё измерять в деньгах?

Конечно, это проще всего. Но есть ещё один момент. У нас же огромные конкуренты!

Если мы начнём сдавать эти позиции, придёт Туркмения с очень дешёвым газом, и я напомним, что туркменская труба ближе китайцам.

Придёт Казахстан, где каждая 3-я тонна нефти принадлежит Китаю и где Китай ещё в 2008–2009 годах купил казахстанские разработки нефти.

Придёт Саудовская Аравия, не случайно Си Цзиньпин ведёт активные переговоры с саудовскими представителями.

В общем, на самом деле Китай заставил всех бороться за свой рынок.

Теряем ли мы деньги?

Да, теряем.

Имеет ли смысл взять, напрячься и сказать: давайте будем продавать по среднемировым ценам?

Тогда никто покупать не будет.

В общем, мир циничен, тут ничего не сделаешь.

Тосунян Г.А.: Руслан Семёнович, будьте добры.

чл.-корр. ГРИНБЕРГ Р.С. – проф. МАСЛОВ А.А.

Гринберг Р.С.: Алексей Александрович, когда мы с Вами встречаемся, я всегда спрашиваю: а что делают коммунисты, коммунистическая партия в Китае?

Сейчас это особенно интересно.

Я никогда не был коммунистом, но всегда знал, что коммунисты – это самые главные люди в стране.

И вообще, самое главное, в чём упрекали Михаила Сергеевича Горбачёва, что перестройка проиграла и СССР распался из-за того, что коммунистическая партия перестала существовать, поскольку эстонца и туркмена связывало членство в партии.

Это вопрос философский, но я хочу спросить.

Что делает компартия?

И руководитель Китая, руководители партии, они вредят экономике или нет?

Вот Абел Гезевич Аганбегян говорит о том, что России не хватает пятилетних планов, что надо вернуться к ним.

Они, кажется, не должны быть директивными, должны быть индикативными, но всё равно у китайцев есть эти планы, пятилетки вообще.

Что-нибудь можете сказать на этот счёт?

Маслов А.А.: Да, Руслан Семёнович, спасибо большое.

Я частично этот вопрос, если не возражаете, Андрею Владимировичу потом переадресую, поскольку это связано в том числе и с XX съездом. Скажу очень коротко.

Мне кажется, что главная роль компартии Китая сейчас есть (и была) в том, что она формулирует смыслы развития страны.

Потому что при такой исторически сложившейся структуре управления Китай не стал её ломать.

Пусть со мной коллеги поспорят, но на самом деле структура управления особо не изменилась с эпохи Хань, с III века.

Она, конечно, трансформировалась, она стала по-другому называться, но взаимоотношения между центром и регионами, между сакральной властью центра и десакрализации её на местах, это всё сохранилось.

И соответственно, вместо императорской власти есть сегодня власть компартии Китая, которая формулирует смыслы существования страны, нации и так далее.

А в рамках этих смыслов уже намечаются политические, экономические, региональные планы.

Это всё сведено в один центр под названием компартия Китая.

Гринберг Р.С.: Вот это слово «коммунистическое», оно не имеет особого значения или всё-таки есть в нём какой-то смысл?

Маслов А.А.: Имеет как идеал, конечно, потому что Китай не отказывался и не отказывается от построения коммунистического общества, просто это далёкая перспектива.

И верят ли все китайцы, что завтра будет коммунизм, я не думаю.

Хотя, честно говоря, никто соцопросов по этому поводу не проводил по понятным причинам.

Но идея социальной справедливости, которую провозглашает компартия Китая, она, по-моему, всем нравится.

Потому что социальный договор, который государство устанавливает с китайским народом, идёт через формулирование смысла компартии Китая.

Проблема же общества не в том, с какой скоростью развивается экономика и растёт ВВП, а в том, нарушается ли договор между властью и народом.

Китайская компартия его переформулирует иногда, но, в общем, она его не нарушает.

И в этом, собственно говоря, устойчивость именно социальной модели Китая, хотя экономическая может «взлетать и падать».

к. социол. н. ЕПИХИНА Ю.Б. – проф. МАСЛОВ А.А.

Епихина Ю.Б.: Спасибо за доклад, короткий вопрос на уточнение.

Вы сказали о том, что инвестиционная логика Китая заключается в том, чтобы закупать готовый продукт. Если это так и если это распространяется на все страны, с которыми сотрудничает Китай, то что он закупает в Африке, в Центральной Азии, в Казахстане, в Узбекистане?

И с чем тогда связаны его большие инфраструктурные вложения в Африке? Спасибо.

Маслов А.А.: Наверное, я не очень точно сформулировал, когда говорил «готовый продукт».

Это не тот, который готов для финального потребления, а это уже готовые производства или готовые рынки сбыта – есть что-то готовое.

Для Африки и Латинской Америки там немного другая история.

Там не строятся в чистом поле заводы, там закупаются старые заводы со старыми лицензиями, оптимизируется количество персонала, он переучивается...

И в дальнейшем то, что должно было производиться в Китае по высоким ценам, производится в странах Африки и в Латинской Америке по дешёвым ценам, но на китайских технологиях.

И потом поставляется по всему миру.

Собственно, это был один из планов инфраструктурного развития.

А если мы берём Европу и страны Америки, там просто покупаются в основном уже готовые производства, которые докапитализируются, иногда за счёт капитализации производство просто размывается и разделяется. То есть Китай что-то всегда делает со своей покупкой. Он просто так её не оставляет.

к. э. н. СТОЛЯРОВ А.И. – проф. МАСЛОВ А.А.

СТОЛЯРОВ А.И.

к. э. н., заместитель заведующего базовой кафедрой инфраструктуры финансового рынка факультета экономических наук
НИУ ВШЭ

Столяров А.И.: Спасибо большое за доклад.
Я хотел сказать два слова в пользу китайских студентов.

Их много, но они очень разные.

Всегда есть очень сильные, на самом деле.

В советское время я учился на экономическом факультете, у нас были вьетнамские друзья, в Советский Союз посылали, по их словам, тех, кто был морально неустойчив.

Считалось, что в Советском Союзе меньше соблазнов.

Но вопрос у меня по поводу ковида.

С чем, как Вы думаете, связана такая жёсткая политика Китая в отношении ковид-нетерпимости?

Есть такая точка зрения, что это в том числе может закрывать какие-то экономические проблемы Китая.

Согласны ли Вы с этим или нет?

Маслов А.А.: Про студентов я соглашусь.

Единственное, насколько я знаю, никакого серьёзного отбора сегодня среди студентов в Китае нет.

По поводу ковида я, честно говоря, не понимаю, какая выгода.

Там вопрос в другом: действительно, у Китая не только население большое, но и плотность населения очень высокая, особенно в промышленных городах, таких как Ухань, Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь и так далее.

В случае возникновения любой вспышки это всё с дикой скоростью пойдёт гулять по Китаю, и никто до сих пор не может посчитать, сколько Китай потратил, чтобы закрыть все проблемы 2020 года, когда он дофинансировал предприятия, вернул уже уплаченные налоги, распечатав свою кубышку.

И Китай это просто не хочет повторять.

Китай хочет показать одну простую вещь, что есть только один способ борьбы с ковидом – это изолировать очаг и выдержать, пока всё не пройдёт.

Поэтому я думаю, что здесь в данном случае не надо искать теорию заговора. Си Цзиньпин решил, что ковид побеждён, значит, побеждён, и всё.

А всё остальное – это то, что выбивается из общей структуры.

Тосунян Г.А.: Понятный подход. Без мудрствований... Тедеев Астамур Анатольевич, доктор юридических наук, профессор МГУ, пожалуйста.

проф. ТЕДЕЕВ А.А. – проф. МАСЛОВ А.А.

ТЕДЕЕВ А.А.

д. ю. н., к. э. н., профессор, профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

Тедеев А.А.: Огромное спасибо за прекрасный доклад. Очень короткий вопрос.

Западные исследователи, истеблишмент в качестве базовой претензии к политико-правовой системе Китая обычно используют концепт будто бы недостаточного внимания к правам человека.

Как Вы считаете, не решается ли, наоборот, этот вопрос в Китае как раз за счёт использования социальной справедливости как высшей ценности?

Разве мы не видим в Китае как раз пример решения проблемы обеспечения прав человека и управления на основе закона через социальную справедливость как внутренний важный инструмент обеспечения социального баланса?

Маслов А.А.: Я думаю, что да, это просто по-другому формулируют.

Если высшая ценность для Запада – это защита индивидуальных прав индивидуального человека, то для Китая всё-таки речь идёт о социальной справедливости для целой группы. Установление баланса интересов.

И именно поэтому, кстати говоря, Китай сам по себе, насколько можно видеть, не страдает на индивидуальном уровне, что какие-то права отдельно взятых людей нарушаются.

Но при этом китайские суды сегодня забиты жалобами, что мне запретили курить на работе, что закрыли один, открыли другой вход на работе.

На самом деле судебная система работает, и она защищает по мелким кейсам.

Говорить о том, что каким-то отдельным людям запрещают что-то пропагандировать, – да, это есть, но только Китай от этого в массовом порядке, по-моему, абсолютно не страдает.

акад. МАЕВСКИЙ В.И. – проф. МАСЛОВ А.А.

МАЕВСКИЙ В.И.

акад., заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства
Института экономики РАН

Маевский В.И.: Алексей Александрович, большое спасибо за очень интересный доклад.

У меня вопрос. В течение последних 40 лет китайские инвестиции в основной капитал в среднем в 2 раза выше, чем в США.

Можно ли сказать, что здесь какую-то роль играет бюджет, что идут частичные инвестиции из китайского бюджета в основной капитал?

В большей мере, чем в США.

Маслов А.А.: Абсолютно точно сформулировано.

Дело в том, что рост многих регионов обусловлен тем, что из центрального бюджета идут инвестиции в регионы.

Проще говоря, рост ВВП таких, казалось бы, не очень промышленно развитых регионов, как Тибет, Синьцзян, был по 10%, даже 11%, хотя чисто визуально мы видим, что этого роста нет.

Потому что перечислениями центрального бюджета стимулируются региональные сектора промышленности, чтобы дать возможность им встать на ноги.

Например, в Синьцзяне сумели развить текстильную экспортно ориентированную промышленность, а в Тибете такой промышленности пока что практически нет.

Это и есть инвестиции из центрального бюджета, потому что в Тибете окупаемости масштабного производства из-за сложностей логистики практически нет.

Но на самом деле не исключено, что на самоокупаемость региона они однажды выйдут за счёт культуры, гостеприимства и туристического бизнеса. Вдруг туда массово поедут туристы...

В любом случае абсолютно правильно сформулировано: рост ВВП многих регионов обусловлен перечислениями центрального бюджета.

Маевский В.И.: И наверное, и в южных развитых регионах бюджет тоже какую-то роль играет. Может быть, меньшую.

Маслов А.А.: Там меньше, там уже есть инвестиции из бюджета регионов.

Например, очень многие университеты финансируются региональными или муниципальными бюджетами, а на базе ряда университета есть своя промышленная база, она также финансируется из бюджетов регионов.

Южные регионы очень богатые сами по себе.

ГОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Коллеги, у нас небольшая поздравительная пауза в связи с тем, что у Галины Юрьевны Фоминой был в октябре день рождения.

Поздравляем её от всех нас и желаем здоровья, удачи, успехов – всего того, чего ей самой хочется.

Продолжим двигаться по повестке дня.

У нас третий докладчик.

Я уже представлял профессора Островского. Прошу Вас, Андрей Владимирович.

ДОКЛАД 3

ОСТРОВСКИЙ А.В.

д. э. н., профессор, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН

ВЛИЯНИЕ XX СЪЕЗДА КОМПАРТИИ КИТАЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ

Спасибо большое за предоставленное мне слово.

Перед выступлением я хотел бы сделать несколько коротких предварительных замечаний по сделанным докладам.

Первое – о продовольственной безопасности Китая.

Я не буду ссылаться на данные ООН, хотя они тоже важны.

Но дело в том, что на XX съезде КПК Си Цзиньпин довольно точно сказал в беседе с делегатами от Гуанси-Чжуанского автономного района, где он был избран на съезд от национальных меньшинств, что по Китаю установлен норматив продовольственной безопасности – 540 килограмм зерна на душу населения.

В Китае всю жизнь была проблема с зерном.

Вы знаете, что с 1955 года после проведения кооперирования в Китае ввели продовольственные карточки.

Как у нас в 1930-е годы после того, как были созданы колхозы, потом их отменили после убийства Кирова, насколько я помню из истории СССР.

А в Китае установили норматив, что в стране должны собрать не менее 650 млн тонн зерна, за прошлый год они собрали 682 млн тонн зерна.

И они сказали, что пока выполняют на протяжении 7 лет эти показатели.

А что будет потом?

Тут Александр Владимирович совершенно справедливо сказал: предсказывать, что будет в Китае, трудно.

Может, они 500 млн тонн соберут через какое-то время... мало ли что там будет!

Это первый комментарий.

А второй комментарий касается российского рынка.

Я ещё раз хочу сказать, что для Китая российский рынок мало что значит.

Беру просто объём внешней торговли – 146 млрд долларов, мы для Китая – 11-я страна по объёму внешней торговли.

И по поводу Дальнего Востока.

Я, кстати, каждый год до ковида регулярно выезжал на конференции в Харбин, Чанчунь, Шэньян – города Северо-Восточного Китая, и каждый раз я сам ставил вопрос: делайте инвестиции, и будет вам хорошо.

В ответ на это представители китайской академических кругов и чиновники говорили так: «Пожалуйста, уважаемый Оу-лаоши (так меня зовут в Китае), а какой у вас рынок на Дальнем Востоке? Сколько проживает населения на Дальнем Востоке?»

Я, естественно, заученно отвечаю: «В ДФО, по нашей статистике, 8 млн человек».

Мне говорят: «Ну что это за рынок?! Вот у нас только в одном Харбине 12 млн живёт».

И сразу как-то этот ажиотаж насчёт российского рынка спадал.

Если брать долю иностранных инвестиций от общего объёма всех инвестиций в Китае, которые идут примерно за последние 10–15 лет, это где-то 2%, не более.

Не 20%, не 40%, как некоторые говорят в СМИ, а конкретно 2%.

Потому что, по китайской статистике, общий объём всех инвестиций в Китай за прошлый год (по 2022 году статистики ещё нет) – 55 трлн юаней.

Общий объём иностранных инвестиций всех видов – 173 млрд долларов.

Пересчитываем и получаем эту цифру в трлн юаней, и затем доля 55 трлн – 2%.

В конце 90-х годов Китай медленно освобождался от санкций, которые страна получила после событий на площади Тяньаньмэнь.

А мы получили санкции после начала специальной военной операции.

То есть мы фактически с Китаем оказались примерно в одном и том же положении.

К вопросу о конкуренции на китайском рынке.

Дело в том, что в девяностые годы на китайский рынок идти особо никто не хотел.

Я помню, когда был совсем молодой, в 90-х годах была дискуссия по поводу того, какие фирмы должны помочь реконструировать Первый автомобильный завод в городе Чанчунь, построенный с помощью Советского Союза в 1953 году.

Мы отказались тогда сразу; обратились к немцам – к двум компаниям, «Опель» и «Фольксваген».

«Опель» отказался: а какой рынок у Китая, кто будет покупать наши машины, которые мы будем производить на этом заводе?

«Фольксваген» согласился; мало того, он реконструировал завод в Чанчуне и ещё построил такой же завод в Шанхае.

И выяснилось в начале нулевых годов, когда возник кризис после 1998 года на европейском и вообще на мировом рынке, что «Фольксваген» вылез именно на китайском

рынке, все покупали эти самые «Фольксвагены», прибыль получили именно оттуда.

Ещё хотел бы отметить, что информация в России о Китае минимальная.

По телевидению много ли у нас бывает информации об этой стране? Практически почти нет.

Та же самая ситуация и в Китае с информацией о России. В последнее время после ковида я в Китай не ездил, а до ковида бывал там регулярно, по 6–7 раз в год, тоже с интересом смотрел, а что там?

Про Россию информации крайне мало. Это предварительные замечания.

Я хотел бы перейти к XX съезду КПК.

Многие говорят, что у Китая планов нет сейчас. Есть у них всё, и XX съезд КПК примерно для Китая, не буду говорить, что это то же самое, что XX съезд КПСС.

Но китайцы про XX съезд КПСС ничего хорошего не говорят. В частности, когда закончился XX съезд КПСС, это был февраль 1956 года, Мао Цзэдуну положили на стол закрытый доклад Никиты Сергеевича Хрущёва, переданный делегацией, в составе которой был и Дэн Сяопин.

Мао Цзэдун русским языком не владел, ему перевели, и, как известно, он тоскливо посмотрел и сказал: «Да, Советский Союз – это уже не наш старший брат, это не наш учитель».

То есть Советский Союз теперь стал учителем наоборот, и китайцы начали думать, что же делать, как избавиться от этого учителя.

Мао Цзэдун придумал: вначале был Большой скачок как вызов Советскому Союзу.

Провалился Большой скачок, это все мы прекрасно знаем. Чрезмерное обобществление, стимулы у всех пропали.

И после этого решили «культурной революцией» «открыть огонь» по переродившимся партийным и номенклатурным структурам.

Ударили так ударили – 10 лет длилась «культурная революция».

Одной из её жертв был и Си Цзиньпин, которого ребёнком, когда он учился в 9-м классе, в 1969 году отправили на перевоспитание.

В китайском языке есть такой термин «шаншань сясян» – отправлять в горы и в сельские районы.

Си Цзиньпина отправили как раз в сельский район, округ Яньань провинции Шэньси.

Я был в составе нашей делегации в поездке, которую организовал МИД Китайской Народной Республики по местам, связанным с Си Цзиньпином.

Мы начинали нашу поездку как раз в тех самых народных коммунах в округе Яньань в провинции Шэньси, где Си Цзиньпин 6 лет жил в пещере.

Там были показаны сельскохозяйственные орудия, которые напоминали сельхозорудия XVII–XVIII веков, а отнюдь не современные.

Именно в такой народной коммуне Си Цзиньпин был на физической работе, на т. н. перевоспитании.

Нас тоже отправляли в колхозы, но не на 6 лет, а на месяц в лучшем случае. И он после этого стал членом КПК, был отправлен на учёбу, потом продвигался вверх по служебной лестнице и дорос до Генерального Секретаря КПК.

Возвращаясь к XX съезду КПК, хочу подчеркнуть, что понимание его во многом зависит от того, как изучать этот съезд.

Например, многие изучают XX съезд КПК без знания китайского языка... Но тут винить, конечно, нас всех трудно – китайский язык крайне тяжёлый.

Среди людей, которые поступали учить китайский язык в наше время, отсеив был 50%.

Сейчас, наверное, отсеив поменьше, потому что люди платят деньги, но не уверен, что если они заплатят деньги и не будут учиться, то китайский язык будут знать лучше.

В материалах, в документах съезда очень много вещей, которые надо читать именно на китайском языке.

Там есть самые разные термины: 4 положения о четырёх стратегиях, например, «увэй ити» – так вообще 5 самых основных позиций, надо специально знать, где эти 5 позиций основных.

Также в материалах XX съезда КПК появились новые термины из китайского партийного лексикона.

Например, «цзыво гэмин», что в переводе на русский означает «самореволюционизирование», то есть в отчётном докладе и резолюции XX съезда КПК 96 млн членов КПК призывают «самореволюционизироваться».

Также непонятен ещё один термин в отчётном докладе – «ди эргэ дань» (второй ответ), который возник как комментарий к работе Дисциплинарной комиссии ЦК КПК о многочисленных нарушениях партийной дисциплины и случаях коррупции среди членов КПК и руководящих кадровых работников.

А в целом если говорить о материалах XX съезда КПК, то они были отражены более полно практически в четырёх основных, даже в пяти документах.

Это отчётный доклад Си Цзиньпина, который был озвучен на съезде, потом он был развернут ещё почти в 2 раза по объёму после обсуждения в группах.

Резолюция по XX съезду КПК, Устав Коммунистической партии Китая, где тоже говорилось о пути дальнейшего развития партии. Резолюция по Уставу, и ещё один документ, на который у нас мало обращают внимание.

Но я всегда слежу за этим сюжетом: ещё в 80-е годы была создана структура в Коммунистической партии Китая под названием Центральная комиссия по проверке дисциплины, которая идёт, как говорится, сверху донизу, начиная от ЦК КПК, которую сейчас уже избрали. Секретарём этой комиссии в течение 10 лет после состоявшегося в 2012 году XVIII съезда КПК был Ван Цишань – ближайший соратник Си Цзиньпина, а после XX съезда КПК стала мало кому известная Ли Си.

Эта комиссия как раз контролировала и будет контролировать соблюдение членами КПК партийных норм.

А в основу этих партийных норм была положена выпущенная ещё в конце 30-х – начале 40-х годов работа известного Лю Шаоци, бывшего какое-то время председателем КНР, – «О работе коммуниста над собой».

Скромность, неподкупность и так далее – тезисы.

В основных документах съезда говорится о двух этапах дальнейшего развития Китая.

Первый этап – до 2035 года, когда Китай должен стать мощной социалистической модернизированной державой.

И на этом ставится точка первого этапа.

Второй этап – до столетия образования КНР, 2049–2050 годы, и там уже в содержании огромное количество прилагательных, которые даже на слух трудно запомнить.

То есть основной вывод такой, что Китай должен стать ведущей страной в мире практически по всем показателям.

И надо сказать, что ряд американских учёных, довольно известных экономистов, в общем-то говорят о том, что этот период наступит.

Я называю такие фамилии, которые в вашем кругу, наверное, известны.

Это Нейл Фергюсон, который сказал, что Китай по объёму ВВП в долларах догонит США, по его прогнозу, к 2025–2027 году.

Я тоже провожу кое-какие расчёты и склонен согласился с Нейлом Фергюсоном.

А неизвестный экономист Фогель говорил, что к 2040 году сотрётся дистанция между мощностью Китая как государства и доходами каждого отдельного китайца.

Это означает, что ВВП на душу населения в Китае будет такой же, как ВВП в Соединённых Штатах Америки.

Я привожу пример. Абел Гезевич, наверное, помнит период работы нашего Института Дальнего Востока с начала 80-х годов.

Из Академии наук СССР нам направили записку из ЦК: в кратчайшие сроки, в течение 12 дней, срочно дать прогноз развития Китая до 2000 года.

Это было начало 1983 года. Мы долго думать не стали, взяли основной, базовый показатель.

Китайцы сказали: мы учетверим валовую продукцию промышленности и сельского хозяйства по сравнению с 1980 годом.

Тогда это был показатель 700 млрд юаней, отнюдь не триллионы, которые сейчас фигурируют.

В итоге в 2000 году показатель должен быть 2800 млрд юаней.

И в соответствии с этим показателем плюс нормативный показатель, что население страны в 2000 году не должно превышать 1 млрд 200 млн человек.

В ЦК КПСС тогда вполне хорошо, лояльно отнеслись к нашему прогнозу; более того, в течение 5 дней каждому участнику работы выписали премию в размере месячного оклада, что, естественно, всех порадовало.

Но с точки зрения результатов мы, честно говоря, были мало уверены, что это может быть реализовано.

А знаете, в каком году они вышли на эти показатели четырёхкратного увеличения? В 1995 году! На 5 лет раньше срока.

Следует обратить внимание на показатели плана 2020 года, который был установлен ещё в 2012 году: какие показатели были и какие показатели стали.

А сравнение Китая с миром по состоянию на 2020 год... Китай и Россия примерно на одном уровне сейчас находятся.

Самое интересное, что ещё пропущен Тайвань, но на Тайване сейчас ВВП на душу населения сопоставим с тем, что в Китае.

Если, например, в 1995 году (а я прожил на Тайване несколько лет) даже вопроса о сравнении уровня жизни с Китаем не было, его невозможно было сравнивать!

Все переговоры об объединении Тайваня с Китаем упирались в ВВП на душу населения.

Тогда это был разрыв примерно в 2,5 раза, а сегодня разговор идёт уже с других позиций.

Это уже принципиальный момент, на базе которого переговоры между Китаем и Тайванем, с моей точки зрения, продлятся после выборов 2024 года на Тайване.

Если придёт к власти Гоминдан, а степень вероятности этого достаточно высокая, что Китай начнёт проводить переговоры КПК и Гоминдана, на каких-то условиях, как Гонконг...

Что касается экономики, **выдвинуто 5 основных моментов в области экономического развития Китая на будущее.**

Первое: главное – рыночная экономика, реформирование государственных предприятий, которые должны стать ведущими предприятиями во всём мире.

Но помимо государственных предприятий не будут бросать и предприятия других форм собственности, а их, по данным КНР, порядка 7 форм, плюс говорилось, что помимо крупных предприятий будут обращать внимание на средние, мелкие и микропредприятия. То есть они там обозначили все.

Это первая позиция, о которой хотелось сказать.

Второе – изменение отраслевой структуры китайской экономики.

То есть Китай будет делать упор на новые отрасли экономики.

Прежде всего, на машиностроение, потом на новые наукоёмкие технологии – это космос, Интернет, цифровизация страны, развитие современного транспорта, связи.

Если посмотрим сегодня на транспорт, то увидим, что Китай опутан сетью современных железных дорог, аэродромов.

Фактически – весь Китай, чего не было, допустим, когда я изучал китайскую историю, экономику, тогда было всего 3–4 железные дороги.

Сейчас если брать только высокоскоростные железные дороги, по которым поезда идут со скоростью от 250 до 300 км/ч, то на поездку от Пекина до Шанхая можно затратить 4 часа.

А в 1984/1985 учебном году, когда мы вместе с Александром Владимировичем Лукиным были на стажировке в Китае, на такое расстояние надо было добираться поездом больше суток.

Сегодня народ уже не летает самолётами Пекин – Шанхай, а предпочитает ездить преимущественно на поезде, потому что это надёжно, выгодно, удобно, ближе, чем из аэропорта Пудун, от Шанхайского вокзала добираться до гостиницы легче.

То есть это второй пункт, который намечен в развитии Китая.

Третье – развитие китайской деревни и сельского хозяйства, на которое тоже делается упор. Необходимо обеспечить продовольственную безопасность. Самое главное: если не будет обеспечена продовольственная безопасность, то не будет никаких результатов, никакого социализма не будет, никакого коммунизма не будет.

В этом решении механизация сельского хозяйства – это само собой, но, как ни странно, самым главным пунктом Китай выдвинул развитие малых городов на уровне уезда.

То есть предполагается, что избыток рабочей силы будет абсорбироваться не в городах, не в Пекине, не в Шанхае. Потому что если Китай пойдёт по опыту развивающихся стран типа Мексики, Филиппин...

Многие из вас, наверное, были в этих развивающихся странах, в крупных городах типа Мехико, и что там увидели? По 20–30 млн населения, из которых 20 млн непонятно чем занимаются.

Китайцы хотят избыток рабочей силы, который скапливается в сельском хозяйстве, перемещать вне сферы сельского хозяйства, но не в город, вот это принципиальный момент китайской политики.

Четвёртое – это региональная политика.

Все регионы страны поделены на 4 части: это передовые регионы приморские, которые уже вполне сегодня сопоставимы по уровню экономического развития, допустим, с атлантическим побережьем Соединённых Штатов Америки. Я, например, серьёзной разницы между югом Цзянсу и районами вокруг Бостона не вижу.

А если мы посмотрим на фотографии, то в Китае, пожалуй, даже автомобилей больше, чем в Штатах на улицах городов.

Более того, когда я был в 2019 году в Германии, мне немцы сказали: когда приезжаем в Германию, мы чувствуем, что Германия – это маленькая деревня по сравнению, допустим, с Шанхаем.

Это тоже принципиальный момент.

Второй тип регионов – Северо-Восточный Китай, о котором уже говорилось, что он отстающий, слабо развивается.

И действительно, там провинция Ляонин, о которой в своё время местные власти говорили, что это новый маяк, новый символ. Потом оказалось, что это не маяк и не символ, а просто были статистические фальсификации. Там наказали всех руководителей, снимали с должностей, насколько я знаю.

Третий регион – центральные районы Китая.

И четвёртый – западный район, включающий 12 провинций, автономных районов, начиная от Тибета и кончая провинцией Шэньси.

Для каждой территории поставили свои задачи.

Для западных районов – просто развивать экономику и стать мостом между Востоком, между Азией и Европой.

Это особенно характерно для Синьцзяна и Гуанси-Чжуанского автономного района, для провинции Юньнань. Там есть инфраструктурные проекты, но, если я буду о каждом рассказывать, это будет довольно долго.

Центральным районам надо стремиться стать такими же, как приморские районы.

А Северо-Восточный Китай должен у себя найти ту самую фишку, которая может выдвинуть эти провинции на лидирующие позиции. Это провинции Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян, если конкретно.

Четвёртая территория – это территория приморских районов, которые должны составить мощнейшую конкуренцию в борьбе за мировое экономическое лидерство с самыми передовыми странами, такими как США, Великобритания, Франция, Германия.

И пятый пункт, не менее важный – это внешняя торговля. По внешней торговле Китай стремится на сегодняшний день развивать китайскую инициативу «Один пояс – один путь».

Я вначале написал несколько статей на эту тему, которые были опубликованы в основных академических журналах, было проведено даже заседание президиума Российской академии наук, это было в 2017 году.

Прошло четыре года, и уже можно бы обратить внимание, что со странами, включившимися в «Один пояс – один путь», в 2013 году, когда это всё начиналось, доля объёма внешней торговли была менее 20%, в 2017 году – 27%, а сегодня уже составляет 30%.

Что сказали некоторые товарищи, кстати, из вашего отделения в том числе?

Это всё выдумки, фантазии, и ничего этого быть не может!

Давайте делать нам средний широтный пояс, выделите нам деньги, и мы рванём. Но, тем не менее, с тех

пор прошло 5 лет, и «Один пояс – один путь» развивается, набирает силу.

Вот Россия, к сожалению, в эту китайскую инициативу пока особо не включилась...

Нет у нас значимых проектов, тем более что проект «Один пояс – один путь» финансируется из двух источников.

Первый – это Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, где большая часть принадлежит Китайской Народной Республике.

И второй – Фонд Шёлкового пути.

И там, и там мы могли получить какие-то деньги на развитие инфраструктурных инвестиций.

В 2018 году я был на конференции, проходившей в Цзинаньском университете города Гуанчжоу. Это юг Китая, там одна из наиболее экономически развитых провинций, которая на сегодняшний день произвела ВРП больше, чем ВВП России.

Мне запомнилось, что там выступал профессор из Лаоса в рамках проекта железной дороги, которая должна соединить два города – Вьентьян, столицу Лаоса, и Куньмин, столицу соседней китайской провинции Юньнань.

В Лаосе до этого момента не было ни одной железной дороги.

Лаосский профессор сказал примерно следующее: «До того, как мы вступили в этот проект, кто знал вообще о такой стране, как Лаос? Потому что это такая дыра в Азии, даже к океану не выходит.

Только кто по реке Меконг плавал, тот знает, что есть Лаос.

А теперь, когда мы открыли эту железную дорогу, по ней уже ходят поезда, и теперь Лаос по этой дороге через Китай может получить выход к морским путям».

Так что эти транспортные моменты развиваются довольно активно.

Ещё хотел бы обратить внимание на торговый оборот и, самое главное, на долю России в китайской внешней торговле.

Конечно, обидно, но такова объективная реальность: доля России в объёме ВВП Китая – 2,4%, то есть мы занимаем 11-е место.

Особенно мы уступаем Бразилии, Вьетнаму; пока опережаем Индию, но там торгово-экономические отношения сдерживают достаточно серьёзные индокитайские пограничные проблемы.

А так бы они тоже нас обогнали с учётом индийских экономических реалий – более дешёвой продукции.

Однако в последний год наметились позитивные сдвиги. По данным на конец 2022 года, объём российско-китайской торговли уже составил 180 млрд долл., а к концу 2024 года запланировано достичь показателя 200 млрд долл. Достичь этого показателя вполне реально, поскольку ранее направлявшиеся в Европу потоки нефти и газа после СВО были перенаправлены в Китай, что и привело к взрывному росту товарооборота с КНР в 2022 году.

Вот китайцы наметили эти пять направлений, и все будут реализовывать.

Про 2035 год сказано, что будут развивать, но конкретные цифры не указаны.

А по поводу 2025 года показано, что планируется прирост ВВП на 6%.

Будет ли запланированный показатель достигнут, тоже неясно с учётом того, что в 2021 году прирост ВВП внезапно после 2,3% составил 8,1%.

По моей версии, это обеспечено за счёт восстановительных темпов роста, а будут ли сейчас те же 5%, трудно сказать. МВФ даёт меньше 4%.

Стали известны предварительные данные, согласно которым объём ВВП КНР в 2022 году составил 120 трлн юаней.

Исходя из того что в 2021 году объём ВВП КНР составил 114,4 трлн юаней, то прирост ВВП за 2022 год составил 5,6 трлн юаней, или 4,9% в год, что превышает все мировые прогнозы о росте ВВП в 2022 году.

Это означает, что если в 2023–2025 годах в Китае не будет форс-мажорных ситуаций, то вполне реально обеспечить до 2025 года среднегодовой прирост ВВП по 6% годовых.

В китайских партийных и правительственных материалах были поставлены три основные цели, задачи.

Первая – так называемая двойная циркуляция экономики, одновременное развитие внешней торговли и, собственно говоря, китайской внутренней политики, внутренней экономики.

Вторая касается всей науки, Академии наук – резкое увеличение финансирования науки по состоянию на 2024 год.

Доля расходов на НИОКР в Китае составляла 2,4% от ВВП, а у нас, насколько я знаю, цифра 1,1%. Если не прав, вы меня поправьте, пожалуйста.

И самое главное, что на 2025 год Китай запланировал показатель 3% ВВП.

И третья задача касается роста жизненного уровня населения.

Китай акцентирует внимание на росте жизненного уровня населения; если говорить об охвате различными формами социального страхования, то это 95%.

Необходимо отметить и три проблемы, которые будут сдерживать Китай в дальнейшем развитии.

Первая проблема связана с населением.

Не то что его много, а кто работать будет? На пенсию все ушли, а однодетная семья осталась. Какой выход из положения? Резко увеличить производительность труда, соответственно, необходимо вкладывать деньги в НИОКР.

Вторая проблема, на которую обращают внимание, – недостаточность энергоресурсов.

Китай очень много внимания уделяет закупке энергоресурсов за рубежом. Там неважно – Туркмения, Россия, Африка, Латинская Америка. Потому что Китай в год добывает 200 млн тонн нефти, а потребляет 750 млн тонн нефти. Где им брать 550 млн тонн нефти? По импорту – что он и делает, и старается делать.

Третья проблема – это экология.

Две первые проблемы в материалах съезда практически не были отмечены. А проблема экологии была указана. Десятый пункт отчётного доклада – это резолюция съезда. Экология Китая на сегодняшний день – проблема острая, хотя ей и начали уделять серьёзное внимание с 2006 года. Но эту проблему пытаются решить, объявили, что достигнут пика выбросов к 2030 году, а нулевого выброса – в 2060 году.

Подводя итоги, хочу сказать, что съезд поставил перед китайским народом все эти задачи, наметил пути решения проблем.

Там ещё много о чём говорилось. Но поскольку я ограничиваюсь только социально-экономическими аспек-

тами, то не буду говорить о прочих политических материях.

Реально, исходя из опыта прежних 50–60 лет, хочу сказать, что нам надо ожидать того, что Китай вполне может выполнить поставленные задачи.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, давайте мы поблагодарим наших докладчиков за блестящие доклады. Все три доклада очень интересные.

И сейчас я попрошу академика Полтеровича, а потом коллегу Калашникова. Сергей Вячеславович Калашников, как представитель «Шёлкового пути», пару слов тоже скажет.

Пожалуйста, Виктор Меерович, сначала Вам слово.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Громадное спасибо за доклады. Доклады действительно очень впечатляющие.

Но я бы хотел внести одну поправку.

Когда мы сравниваем душевые ВВП разных стран, не совсем точно использовать текущие обменные курсы по отношению к доллару.

Нужно рассматривать ВВП на душу по паритету покупательной способности.

И если мы посмотрим цифры, выяснится, что этот показатель для Китая составляет примерно 60% от российского душевого ВВП и менее 30% от соответствующего показателя США.

Китай – всё ещё развивающаяся экономика. Правда, развивается потрясающе быстро.

Основной залог успеха в развитии Китая был заложен ещё в 1978–1979 годах, когда Китай выбрал определённую институциональную стратегию, похожую на стратегию Японии.

Её важнейшие элементы: создание индикативного планирования (вместо того чтобы рушить всю плановую систему); создание единого агентства – Национальной комиссии по развитию и реформам, которая занимается всеми перспективными задачами; разумная степень агрегации плановых показателей; кадровая политика, базирующаяся на мониторингах выполнения этих показателей.

И ещё целый ряд мероприятий, инструментов, тоже во многом скопированных со стран экономического чуда.

Китай добился действительно фантастических успехов.

Но ему, поскольку это всё ещё развивающаяся экономика, конечно, нужно продолжать, прежде всего, заимствовать технологии.

Он в этом преуспел.

И не случайно американцы для того, чтобы остановить его, как раз пытаются воспрепятствовать тому, чтобы Китай продолжал это заимствование.

Ему это необходимо, а это означает, что он будет стараться изо всех сил поддерживать связи с западным миром.

Вот это, мне кажется, тоже нужно понимать.

Если ему не удастся продолжать эффективные заимствования, то несмотря на то, что он действительно вкладывает колоссальные средства в науку и новые технологии, большой вопрос, удастся ли ему продолжать двигаться такими темпами роста, какими он двигался раньше.

Уже сейчас произошло снижение до 6% – это значительно меньше, чем было 5 лет тому назад.

Нужно подчеркнуть, что Китай пока ещё довольно далёк от коммунистического идеала, достичь которого он стремится.

Прежде всего, потому, что уровень неравенства доходов в Китае очень высокий.

Там индекс Джини порядка 0,46, у нас – 0,39, а в странах Европы – это 0,35 и меньше.

Уровень неравенства высокий, и это таит в себе действительно серьёзные опасности для Китая.

Далее, произошла смена структуры управления.

Китай создал, когда он начал быстро развиваться, очень оригинальную систему смены высшей власти, несмотря на, казалось бы, очень жёсткую централизацию.

Сейчас эта сменяемость власти исчезла.

И здесь опять-таки возникает большой вопрос, когда мы имеем дело с таким жёстким авторитаризмом: перспек-

тивы дальнейшего развития тоже оказываются под некоторым сомнением.

Что касается взаимодействия Китая с Россией.

Когда я говорил, что России грозит быть придатком Китая, я имел в виду не только тот факт, что Россия в основном поставляет Китаю нефть и газ, но и то, что взамен Китай снабжает нас оборудованием отнюдь не лучшего качества, если я правильно понимаю. Может быть, здесь специалисты меня поправят.

Например, лучшие по качеству электродвигатели идут, по крайней мере шли, на Запад, в Соединённые Штаты; электродвигатели более низкого качества шли в Россию.

И здесь они потреблялись.

Когда мы торгуем и получаем по экспорту высокотехнологичную продукцию, то имеем возможность научиться в конце концов эту продукцию производить.

Это так называемая импортная экстерналия.

Здесь же мы такой экстерналии не имеем.

Такой союз с Китаем для нас не сулит технологического развития.

Понятно, что союз Китаю нужен, на мой взгляд, прежде всего именно потому, что мы пока ещё обгоняем его в области технологий производства вооружений.

И в общем, совсем неочевидно, что будет после того, как Китай с успехом позаимствует у нас эти технологии.

Здесь мы проявляем осторожность, насколько я понимаю.

Тем не менее Китай может добиться своего, а что будет после этого – для меня достаточно тёмный вопрос.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Виктор Меерович.

Сейчас слово Сергею Вячеславовичу.

Потом Абел Гезевич просил слово.

Прошу Вас, Сергей Вячеславович.

КАЛАШНИКОВ С.В.

д. э. н., профессор

Коллеги, я являюсь членом Торгово-промышленной палаты «Один пояс – один путь» от России и президентом международного партнёрства «Великий чайный путь» с офисом в Пекине.

Поэтому у меня есть возможность изнутри посмотреть, как варится международная политика Китая.

Я не претендую на уровень компетенции наших докладчиков, но хочу вам представить свой взгляд.

А он заключается в следующем.

Я задал вопрос по поводу того, как относиться к идеологиям, которые выдвигает Китай в международных отношениях.

Мы все понимаем, что любая идеология – способ управления обществом.

Так вот, те идеи, которые выдвигает Китай, – способ управления международным сообществом.

И должен сказать, я не могу согласиться с Александром Владимировичем, что это так, пустые лозунги.

Я понимаю, откуда у него такие ощущения. Но с Китаем это не проходит.

Это действительно работающие лозунги.

Достаточно сказать, что в Торгово-промышленной палате «Великого шёлкового пути» у нас сейчас 82 страны. И они активно развиваются.

Приводился пример с Лаосом.

Но можно привести и другие примеры.

О том, что это работает, хорошо свидетельствует ещё одна ситуация.

Александр Владимирович упомянул о том, что Вьетнам ориентируется на Америку.

После того как китайцы построили из Ханоя железную дорогу до Европы, они просто сделали ответвление от своей магистрали «Жёлтое море – Европа».

Извините меня, Вьетнам стал просто привязан к китайской экономике, потому что Китай для него стал транзитом.

И это работает определённая идеология.

А теперь два слова об идеологии.

Китайцы действительно выдвинули идею о том, что в нынешних критических для всего мира условиях, стабилизационном переломе, главное – это общая судьба.

Мы все в одной лодке.

И это не слова, а те реальные действия, к которым они призывают.

И самое главное то, что меняются механизмы экономического взаимодействия.

Я хочу подчеркнуть следующее, это моё ощущение: Китай действительно в этом плане ориентируется на западную цивилизацию.

Своих идей нет. Но они успешно подхватывают эти западные идеи, в частности, о шестой научно-технической революции, о переделе экономическом и так далее. И мало того что подхватывают, они их, в общем-то, делают техническими. Они их используют.

На сегодняшний день всё, что они делают в мире, так или иначе делают под лозунгом общей судьбы новой конкуренции.

Это не означает, что у Китая нет коренных противоречий с миром, и в том числе с Россией.

Например, если говорить о России, а здесь много можно говорить об отношениях, у нас есть, скажем так, те критерии, где мы просто принципиально идеологически расходимся.

Первое. Китай ориентируется на рынки сбыта, считая их более перспективными, чем рынки ресурсов.

У нас, как вы понимаете, совершенно другая позиция.

Мы как раз ориентируемся на развитие рынка ресурсов.

Второе. Мы об этом не говорили, Китай – самый главный лоббист, либерализатор воли в мире.

Здесь они переплюнули и Штаты, и всех остальных.

Китай – это тот, кто борется за полную либерализацию.

А стремление к либерализации торговли делает Китай противником любых протекционистских мер, любой регионализации.

И здесь он тоже расходится с политикой, которую проводит в настоящее время Российская Федерация.

Это противоречит не сиюминутному – дороже или дешевле продать углеводороды.

Есть коренные различия, которые идеологически нас разводят с Китаем.

И вообще-то, на сегодняшний день Китай является, как это ни странно звучит, с одной стороны, главным борцом за мир во всём мире, и это не слова, а их реальная политика.

А с другой стороны, я, как старый человек, остаюсь на тех же позициях, что и многие наши докладчики, в том, что **если кто-то и угрожает России, так это Китай, в том числе и территориально.**

Они не будут ничего захватывать. У них новые методы – экономические. Они не будут воевать за Тайвань, они его и так получают.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Да, это очень мудрые слова.

Надо прислушаться.

Абел Гезевич, Вам слово.

И потом Михаил Вениаминович. Потом Олег Михайлович.

ДОКЛАД 4

АГАНБЕГЯН А.Г.

акад. РАН, д. э. н.

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ КИТАЯ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С РОССИЕЙ

1. Об экономическом уровне Китая

Основной экономический показатель – валовой внутренний продукт, характеризующий объём производства товаров и услуг на территории страны (без повторного счёта). Здесь приводились разные оценки этого показателя, связанные с тем, что он рассчитывается двояко.

Во-первых, по паритету покупательной способности (ППС) и, во-вторых, по рыночному валютному курсу (здесь употребляется термин «номинальный ВВП»).

Валютный курс развивающихся стран и России отличается по ППС в среднем от 1,5 до 3 раз.

ППС рассчитывается, как известно, в долларах США.

В настоящее время этот показатель равен примерно 30 руб. за один доллар.

А валютный курс доллара в рублях, определяемый рыночным путём на валютной бирже, равен примерно 70 руб. за один доллар (конец 2022 г. – начало 2023 г.).

При оценке по ППС ВВП Китая в 2021 г. составил 27,2 трлн долларов, а России около 4,8 трлн долларов, в то время как номинальный ВВП составлял 17,7 трлн по Китаю и 1,8 трлн по России.

При оценке по паритету покупательной способности, который точнее отображает соотношение физиче-

ских объёмов производства товаров и услуг в разных странах, Китай занимает первое место в мире, существенно превосходя США, ВВП которого равен 23,0 трлн долларов, а по номинальному ВВП США впереди.

Соответствующие показатели, в том числе в расчёте на душу населения Китая, США и России, приведены в таблице 1.

Как видно, Россия занимает 6-е место в мире после Китая, США, Индии, Японии и Германии по объёму ВВП, оценённому в ППС. И только 11-е место по номинальному ВВП, уступив здесь также Великобритании, Франции, Италии, Южной Корее и Канаде.

По международному рейтингу 185 стран по ВВП на душу населения Россия занимает достаточно высокое 55-е место с показателем 32,8 тыс. долларов, а Китай 80-е место с 19,9 тыс. долларов.

У США этот показатель вдвое выше, чем в России, и в 3,5 раза, чем в Китае, – 69,3 тыс. долларов.

При расчёте номинального ВВП на душу показатель России 10,7 тыс. долларов, Китая 8,8, соответственно, 61-е и 82-е место в мире.

Показатель России примерно в 7 раз ниже, чем в США, а Китая в 8 раз ниже.

С высокой вероятностью в ближайшие годы Китай превзойдёт Россию по размеру номинального ВВП на душу населения.

Что касается реального ВВП на душу населения (по ППС), то на это потребуется, по-видимому, лет пятнадцать, если Китаю удастся обеспечить среднегодовой темп роста в перспективе по 5–6%, а России 2–3%, что весьма вероятно.

Показатель ВВП на душу населения характеризует уровень экономического развития, и из приведённых цифр видно, что в среднем по всей экономике этот уровень в России в реальном выражении по ППС значительно, в 1,65 раза, превосходит Китай.

Несмотря на то что Китай намного опережает Россию в развитии средне- и высокотехнологичных отраслей и инновационном развитии, значительная часть экономики Китая, прежде всего в сельском хозяйстве, широко использует ручной труд с низкой производительностью труда, что намного снижает уровень экономического развития Китая, который высок в крупных городах и крайне низок в отдалённых, преимущественно сельскохозяйственных провинциях.

Главная особенность экономического развития Китая – самые высокие в мире темпы социально-экономического развития с 1978 г.

Ежегодный рост по 9% в сравнении с 1,5%-м ежегодным ростом в России, поскольку в последние 30 лет новой России ВВП увеличился на 17% (1991–2021 гг.).

Этот рост связан с самой высокой среди стран мира нормой накопления основного капитала в ВВП (45–50%) Китая в сравнении с 25% в среднем в мире, где среднегодовой темп 3–4%.

У развивающихся стран доля этого накопления 30–35% при их привычном росте 4–6%.

При мощном экономическом подъёме Китаю удалось создать высокоразвитую промышленность, выйдя на первое место в мире по объёмам производства машин и оборудования, металлургии, химической промышленности, добыче угля, лесопереработке, текстильной и лёгкой промышленности и в производстве продовольствия.

Отстаёт Китай ввиду отсутствия достаточных природных запасов по добыче нефти и газа, покрывая свою

потребность в этих энергоресурсах путём их импорта, крупнейшего в мире.

По производству электроэнергии Китай почти вдвое превосходит США, производя её в подавляющей части на базе угольных электростанций при увеличивающейся доле гидроэнергетики и атомных электростанций и возобновляемых источников энергии от солнца и ветра.

Социально-экономический рост Китая сопровождается значительным увеличением доходов предприятий и организаций при жёсткой партийно-административной системе управления в Китае.

В связи с этим возникают многочисленные случаи коррупции, с которыми руководство страны ведёт серьёзную борьбу.

Против коррупционеров применяется даже высшая мера наказания – вплоть до смертных приговоров.

Поэтому из 180 стран в международном рейтинге, составленном Transparency International по коррупции на основе 11 показателей, место Китая постепенно повышается, и в 2021 г. он занял 66-е место рядом с Кубой, Румынией и Хорватией.

Россия в этом рейтинге опустилась на 136-е место рядом с Анголой и Парагваем.

Китай имеет многослойную структуру экономики, включающую наряду с высокотехнологичными отраслями отрасли с большим содержанием ручного труда, отсталые по технике и технологии.

Главное место среди этих отраслей занимает сельское хозяйство.

В сёлах в Китае проживает 40% всего населения, занятого в основном низкопроизводительным и низкодоходным делом.

Трудно найти среднеразвитую страну, к которой сегодня можно отнести Китай по уровню экономического и

социального развития, где столь многочисленная часть населения, лишённая современной техники, работала бы со столь низкой производительностью труда и получала бы столь низкий душевой доход, как это имеет место в Китае применительно к сельскому хозяйству.

Ведь в Китае 300 млн фермеров, которые призваны кормить 1445 млн человек.

Один фермер, грубо говоря, должен кормить 5 человек.

Доля сельского хозяйства в экономике Китая, пожалуй, самая высокая среди стран такого уровня, 7% ВВП.

Даже в России эта доля составляет 4%, а в развитых странах 2 и менее процентов.

За эти годы Китай поднял также своё сельское хозяйство.

Производство зерна увеличилось с 305 млн тонн до 678, мяса – с 8,6 до 87 млн тонн, морепродуктов – с 4,7 до 65 млн тонн, масличных культур – с 5,2 до 35 млн тонн и фруктов – с 6,6 до 27,4 млн тонн.

Так что Китай на 90% удовлетворяет продовольственные потребности своего полутора миллиардного населения в собственном продовольствии, осуществляя одновременно импорт продовольствия из других стран.

Катастрофически высок разрыв в душевых доходах городского и сельского населения Китая.

В 2021 г. доход городского населения на душу в Китае составил 47412 юаней, а на селе 18931 юань – в 2,5 раза меньше.

Даже в России эта разница составляет около полутора раз.

В других странах она существенно меньше.

Этот факт во многом определяет огромное социальное неравенство по доходам граждан в Китае.

На первых порах доля внутреннего спроса на свою продукцию в Китае сокращалась, и во всё возрастающей мере рост производства осуществлялся за счёт приоритетного расширения быстро растущего экспорта.

Экспорт Китая достиг 3,36 трлн долларов и стал крупнейшим в мире (16% от мировой торговли) в сравнении с экспортом в США в размере 1,75 трлн долларов (8% мирового уровня).

Как видно, Китай по объёму экспорта превзошёл США в 1,9 раза, в то время как по номинальному ВВП Китая на 30% ниже.

Одновременно быстрыми темпами осуществлялся и импорт из-за рубежа, который достиг 2,7 трлн долларов.

Таким образом, весь внешнеэкономический товарооборот Китая по товарам превысил 6 трлн долларов, а с учётом услуг составил около 8 трлн – немного менее половины номинального ВВП.

Сверхбыстрый рост экономики Китая был связан не только с опережающим увеличением внешнеэкономического оборота, но и с массовым привлечением в Китай капитала развитых стран для создания здесь иностранных предприятий, прежде всего в особых экономических зонах, где установлены сильные льготы и преференции для привлечения зарубежных инвестиций.

Относительно низкий курс юаня по отношению к доллару при наличии таможенных и других ограничений делал менее выгодным экспорт в Китай готовой продукции со стороны зарубежных стран.

Чтобы получить более высокую прибыль, было намного выгоднее создавать свои предприятия и локализовать производство по их комплектации на территории самого Китая.

Крупнейшей зоной для этого сначала был выбран южный район Китая вблизи Гонконга Шэньчжэнь.

Ускоренное социально-экономическое развитие Китая во многом связано с повышением роли и огромным подъёмом малого и среднего бизнеса.

Малый и средний бизнес в Китае создаёт 55% ВВП и 60% объёма промышленного производства.

В России, как известно, эти показатели составляют 13–17%.

В малом и среднем бизнесе в Китае около 80% занятого населения.

В Китае считают, что формирование среднего и малого бизнеса заложило основу экономики нового Китая и стало одним из важных результатов рыночных реформ.

Всё началось с организации семейных подрядов в сельском хозяйстве, когда крестьяне, доведённые до нищеты экспериментами Мао Цзэдуна, начали выходить из неэффективных коммун, куда их в своё время загоняли силой.

Пример в конце 70-х годов подали крестьяне провинции Аньхой.

Этот опыт поддержал Дэн Сяопин, и он был распространён на всю страну.

В условиях либерализации и политики «открытых дверей» массово начали возникать малые и средние промышленные предприятия и организации, расширилась занятость в торговле и других отраслях.

В 70–80-е годы в Китай возвратились многие эмигранты, заработавшие определённые средства на Тайване, в Гонконге и в других странах Юго-Восточной Азии.

Материковый Китай привлёк их дешёvizной рабочей силы и благоприятными условиями для бизнеса, созданными реформами Дэн Сяопина.

Государство всемерно поддерживало это движение снизу. Национальная комиссия по развитию и реформиро-

ванию серьёзно занялась развитием малого и среднего бизнеса, создав соответствующее подразделение.

Китайский Центр координации и кооперации бизнеса стал организовывать торговые ярмарки, выставки, деловые переговоры, консультирование, обучение, информирование малого и среднего бизнеса, помогая ему осваивать зарубежные рынки.

В 2002 г. в Китае приняли «Закон о стимулировании развития малых и средних предприятий», который дал им равные права с крупными компаниями, в том числе по доступу к современной технике, рыночному финансированию.

Были предоставлены серьёзные налоговые льготы. Китайское правительство начало размещать на предприятиях малого и среднего бизнеса госзаказы.

Китайцы называют малый бизнес двигателем развития экономики, так как он производит наибольшее количество инновационной продукции и изобретений.

Правительство Китая ряд лет назад приняло решение: переориентировать экономику страны с ресурсоёмких предприятий на предприятия малого бизнеса.

Особенно поощряется малый бизнес в сфере производства электроники и разработки программного обеспечения. 65% патентов и более 80% новой продукции страны производятся малыми предприятиями. На них приходится половина налогов страны и около 60% объёма экспорта.

На большинстве малых предприятий работает менее 100 человек.

В Китае поддержку малого предпринимательства осуществляет также Фонд развития малых и средних предприятий, который полностью финансируется государством.

Он обязан не только их финансировать, но и защищать их законные доходы от посягательства любых лиц и организаций и отстаивать права малого бизнеса во всех сферах – в области налогов, льготных кредитов и др.

В 2012 г. государство полностью освободило от налога на добавочную стоимость и налога на прибыль организации малого бизнеса, чей месячный доход не превышал 20 тыс. юаней (3226 долл.).

В 2021 г. по инициативе председателя КНР Си Цзиньпина появилась третья фондовая биржа в Пекине для помощи малому и среднему бизнесу и для его развития.

МСП в Китае – это фирмы со штатом менее 550 сотрудников, им трудно конкурировать с крупными компаниями за ссуды в банках.

Новая фондовая биржа призвана исправить положение, связав малых и средних предпринимателей с инвесторами.

Биржа направлена на вливание капитала в инновационно ориентированные небольшие компании.

В Китае особенно ценится МСП, потому что они повышают занятость населения и больше направлены на производство товаров и услуг для населения.

Значительная часть доходов населения формируется за счёт малого и среднего бизнеса.

На конец 2018 г. в Китае насчитывалось более 18 млн малых, средних и микропредприятий.

Из них – 239 тыс. средних предприятий, 2,4 млн малых и 15,4 млн микропредприятий.

В сложном для Китая 1-м квартале 2022 г. операционный доход и прибыль МСП в промышленности увеличились на 14,1% и 6,5%, намного больше средних показателей по промышленности.

Опережающее экономическое развитие Китая, особенно его внешнеэкономическая экспансия, поколебало

позиции США как крупнейшей экономической державы мира, оттеснило её внешнеэкономический оборот и финансовую экспансию на второе место, стало вытеснять американские товары благодаря дешевизне китайских изделий, в том числе из-за более низкой оплаты труда в Китае.

В прошлом она была в 10 раз ниже, чем в США, а сейчас подтянулась и стала ниже в 3–5 раз.

Ведь ВВП на душу населения по ППС в 3,5 раза ниже, чем в США, а по номиналу в 8 раз ниже.

При этом надо иметь в виду, что из-за высокой доли накопления в ВВП Китая доля фонда потребления, в том числе конечного потребления домашних хозяйств, весьма низка – всего 39% ВВП, в то время как в США доля накоплений основного капитала ниже 20%, а не 45–50, как было в Китае.

Соответственно, намного ниже и фонд оплаты труда в ВВП в Китае по сравнению с США.

Низкие расходы на труд при высокой технологической оснащённости передовых производителей в Китае, которые широко используют зарубежные технологии, обеспечивают высокую конкурентоспособность китайских товаров, и они вытесняют американские товары.

При этом наибольшую долю экспорта – 16% – Китай поставляет непосредственно в США, оттесняя на второй план продажу ряда американских товаров.

Всё это обострило торгово-промышленные отношения США и Китая, и началась коллизия, получившая название «торговой войны» между США и Китаем.

США не могут отказаться от огромного экспорта из Китая, поскольку он выгоден США в целом.

Экспорт критически важной продукции, которая успешно конкурирует с инновационными продуктами США, руководство Америки пытается ограничить.

Особенно это касается полупроводников, где США пока обладают преимуществом.

Но зато США отстают в технологии передачи данных.

Китай освоил новое, пятое поколение, так что борьба идёт с переменным успехом.

Но будущее для Китая ясно: он не сможет в перспективе опережающим образом наращивать свой экспорт и развиваться в значительной мере за счёт экспорта прежде всего в развитые страны.

А это больше половины.

Поэтому, продолжая экспорт, улучшая его, пытаясь найти новые ниши, Китай в то же время начал крупную переориентацию по увеличению собственного спроса на продукцию, тем более что ему нужно подтянуть отстающую социальную сферу.

Он будет сокращать удельный вес накоплений основного капитала в ВВП и уже сократил её до 43%.

За счёт этого он будет преимущественно увеличивать долю конечного потребления домашних хозяйств и фонда заработной платы в ВВП, стимулируя спрос собственного населения.

В экспортной и инвестиционной политике Китай всё большие усилия прилагает в направлении «Один пояс – один путь», во многом связанном с развитием экономики развивающихся стран, примыкающих к этому пути.

Китай всё больше средств, в том числе инвестиций, вкладывает в африканские и смежные азиатские страны, пытаясь подчинить их своему влиянию, используя дефицитные природные ресурсы этих стран, скупая их и пытаясь стать в определённой мере монополистом: продажа этих ресурсов, которые особенно важны для прогресса энергетики, в создании новых батарей, для производства

водорода химическим путём, для создания устройств возобновляемой энергии – солнечной и ветровой.

Китай удваивает и утраивает усилия по ускоренному развитию высокотехнологических отраслей, по которым пока существенно отстаёт от США, Японии, Южной Кореи и передовых стран Европы.

Вкладывается существенно больше средств в развитие микроэлектроники Китая в сравнении с США и Европой.

Особое внимание Китай уделяет авиационной промышленности, одной из самых отсталых своих отраслей.

Из его достижений в последние 10–15 лет можно отметить мощный подъём автомобильной промышленности, в том числе легковых автомобилей, по которым Китай уже в 2,5 раза превзошёл США и в 3,5 раза Японию и постепенно становится мировым лидером по поставке в другие страны современных легковых автомобилей, прежде всего на электротяге.

В этой связи важным рынком Китая является Россия, откуда ушли многие производители иномарок из других стран, и эти ниши Китай пытается занять и, по-видимому, займёт.

Сегодня Китай производит 26 млн автомашин по сравнению с 9,2 в США, 7,8 в Японии, 13,1 в ЕС и 4,5 в Южной Корее.

Снижение доли накопления основного капитала в ВВП Китая в перспективе установится на 35–40-процентном уровне при повышении доли в ВВП сферы «экономика знаний», удельный вес которой в ВВП Китая повысится с 22% в настоящее время до 30%, а возможно, и более высокой нормы.

Сфера «экономика знаний» всё в большей мере определяет развитие высокотехнологичных отраслей и переход к инновационному развитию.

Китаю далеко до перехода к постиндустриальному обществу.

Для этого ему предстоит подтянуть тылы и поднять ВВП в 2–3 раза, для чего при сниженных темпах развития потребуется, возможно, 10–15 лет при относительно благоприятных условиях (отсутствие жёстких санкций со стороны развитых стран, опасаящихся чрезмерного развития Китая).

2. Внешнеэкономические связи Китая

Ускоренный рост экономики Китая в предшествующий период в основном был связан с опережающим развитием внешней торговли Китая.

Объём внешней торговли Китая существенно выше, чем в США, лидера среди развитых стран мира, и в разы выше объёмов внешней торговли других стран.

Китай экспортирует товары в размере 3,36 трлн долларов в 2021 г., более чем вдвое превышая Германию (1,63 трлн долларов) и немного менее 2 раз США (1,75 трлн долларов).

Вчетверо объём китайского экспорта выше японского, занимающего 4-е место в мире (757 млрд долларов), и почти в 5 раз выше, чем в Нидерландах (696 млрд долларов).

Больше всего Китай экспортирует товары в США (577 млрд долларов – 17,1% всего экспорта) и в Гонконг (349 млрд долларов – 10,3%).

Затем идёт Япония (165 млрд), Южная Корея (148 млрд), Вьетнам (137 млрд), Германия (115 млрд) и Нидерланды (102 млрд).

При этом китайский экспорт растёт всё медленнее, поскольку всё большая доля производимой в Китае продукции направляется на внутренний рынок.

Если 20 лет назад Китай экспортировал 80% производимой продукции, то в 2021 г. только 20%, а 80% товаров поступает на внутренний рынок.

Тем не менее в 2021 г. экспорт Китая составлял 19,5% номинального ВВП.

А США вдвое меньше.

По экспорту в 2021 г. в мире Россия занимает 12-е место, уступая здесь Канаде и Мексике, но превышая уровень Испании, Индии, Бразилии, Объединённых Арабских Эмиратов.

Что касается импорта, то в 2021 г. Китай немного уступил США – 2,68 трлн долларов, 12,5% мирового импорта, в то время как на США приходится 13,7% (2,93 трлн).

На 3-м месте Германия – 1,42 трлн, 6,67%, на 4-м месте Япония – 3,62%, 770,2 млрд долларов.

Затем идёт Франция, и на 6-м месте примерно с такой же суммой Гонконг (714 млрд долларов).

Больше всего импорта в Китай поставляют азиатские страны, и особенно Южная Корея (213 млрд долларов, 7,95% от всего импорта) и Япония (205 млрд, 7,65%).

Другие страны Азии импортируют в Китай 249 млрд долларов, 9,3%.

И только после этих стран Китай ввозит импорт из США (на 180 млрд долларов, 6,74%), из Австралии (163 млрд долларов, 6,09%) и Тайваня (156 млрд долларов, 5,84%).

После этого импортёрами являются Германия, Бразилия и другие страны.

По объёму импорта у России только 20-е место.

Более высокие места здесь занимают Польша, Швейцария, Бельгия, а более низкие – Турция, Австралия и Бразилия.

Какие товары экспортирует Китай?

Больше всего он экспортирует электрические машины и оборудование (898 млрд долларов, 26%), ядерные реакторы, котлы и оборудование для АЭС (547 млрд, 16,2%).

Затем идёт мебель и принадлежности для дома, пластмассы, транспортные изделия, игрушки, игры и спортивный инвентарь, оптическое, кинематографическое, измерительное, контрольное оборудование и приборы, в том числе для здравоохранения.

Менее значим экспорт изделий из чёрных металлов, одежды и трикотажа, изделий органической химии.

Если говорить о конкретных товарах, где Китай является ведущим в мире экспортёром, то речь идёт о телефонах, вычислительных машинах и гаджетах, осветительном оборудовании, диодах, транзисторах, полупроводниковых приборах, велосипедах, самокатах, колясках, транспортных средствах, автомобилях, телевизионной и приёмной аппаратуре, трансформаторах, преобразователях и т. п.

Что Китай импортирует?

Самый крупный импорт (16,1% – 433 млрд долларов) – электронные интегральные схемы. 9,6%, 258 млрд долларов – нефть и нефтепродукты. 6,84%, 182 млрд долларов – железные руды и концентраты. 2,6%, 69 млрд долларов – природный газ и углеводороды.

Меньше он импортирует приборы и аппараты разного назначения, соевые бобы, транспортные средства, золото (47 млрд долларов).

Последние из 10 позиций – вычислительные машины и их блоки.

Ежегодный рост экономики Китая по 8–10% в год в последние 40 лет существенно поднял уровень жизни китайского населения.

В значительной мере Китай обеспечил своё население продовольствием, хотя качественное питание для половины населения страны труднодоступно из-за невысокого дохода.

В последние 15–20 лет Китаю удалось преодолеть абсолютную нищету, устранив население, ежедневный душевой доход которого был один доллар и ниже.

Таких в Китае в прошлом насчитывалось 800 млн – более половины всей численности населения, а осталось их 1,7%.

Что касается бедного населения, то его слой в Китае огромен.

3. Особые экономические зоны Китая и их роль в социально-экономическом подъёме

Особые экономические зоны в Китае, ориентированные на свободный рынок и льготные налоговые и другие меры, начали в Китае создаваться с 1980 г.

Первые зоны были созданы в Шэньчжэне, Чжухае и Шаньтоу в южной провинции Гуандун и в Сямыне (провинция Фуцзянь), а также особой экономической зоной объявлена вся провинция Хэнань на острове.

Первой такой зоной была зона Шэньчжэня вблизи Гонконга, где на большом пространстве располагалось небольшое рыбацкое поселение с 30 тыс. жителей.

За 40 лет здесь вырос 17-миллионный город с тысячами высокотехнологичных инновационных зарубежных предприятий и организаций.

При немногим более 1% населения Китая в Шэньчжэне производится 11% инновационной продукции всей страны.

В первые 5 лет (с 1980 г.) ВВП Китая вырос в полтора раза, а ВВП Шэньчжэня увеличился в 6 раз, показав невероятный ежегодный рост по 58%. ВВП Шэньчжэня вырос со 196,38 млн юаней в 1979 г. до 2692,71 млрд в 2019 г.

Другая крупнейшая зона Китая для приоритетного привлечения иностранных инвестиций – Шанхай, один из крупнейших городов мира с численностью около 25 млн человек (2020 г.).

Внешнеэкономический оборот Шанхая – 4,5 трлн долларов в 2019 г. ВВП Шанхая в 2021 г. составил 680 млрд долларов – уровень Польши или Швеции.

12 лет подряд Шанхай носит титул крупнейшего контейнерного порта в мире, приняв в 2021 г. более 47 млн единиц груза в 20-футовом эквиваленте (это втрое выше самого крупного порта Европы – Роттердамского).

Особые экономические зоны и индустриальные парки созданы во многих других регионах Китая.

Ограничусь одним примером.

Несколько лет назад я в составе делегации от России присутствовал на конгрессе по IT-технологиям в городе Даляне на северо-востоке Китая (бывший порт Дальний с недалеко расположенным Порт-Артуром, в прошлом принадлежащий России).

В этом 7,5-миллионном городе было 3 особые зоны по развитию IT-бизнеса, прежде всего software, где размещались, без преувеличения, многие сотни относительно крупных IT-компаний, в том числе филиалы практически всех значимых мировых фирм в этой области, начиная с Apple, Google, Microsoft, IBM, Siemens и многих других.

В городе два крупных университета – один 60 тыс. студентов и слушателей, государственный университет, другой 20 тыс. слушателей, в основном по software, частный университет.

Число суперкомпьютеров в Даляне больше, чем в России, где сегодня их семь.

Экспорт IT-услуг компаний, расположенных в городе, превышает весь экспорт IT из России (более 15 млрд долларов).

Крупнейшая особая зона software охватывает часть города с населением около 500 тыс. человек.

Там построены для IT-компаний сотни крупных зданий.

Я задержался на три недели для лечения в одной из клиник в Даляне, считающейся лучшей в Китае по лечению позвоночника и ног.

Вторая половина дня у меня была свободна, и я её использовал для посещения фирм.

Так я посетил несколько десятков фирм, поговорил с сотнями людей и мог бы многое ещё рассказать.

Я больше десятка раз был в Кремниевой долине в США, в самом знаменитом в мире месте для развития IT-технологий, и смог убедиться в попытке в Китае создавать собственные зоны, подобные Кремниевой долине.

В 1984 г. Китай дополнительно открыл 14 прибрежных городов, в том числе в Даляне, Тяньцзине, Циндао, Шанхае, Гуаньчжоу и др. Начиная с 1988 г. открытие материкового Китая для внешнего мира расширилось до его приграничных районов, районов, расположенных вдоль реки Янцзы, и некоторых внутренних районов.

В 1990 г. китайское правительство открыло новый район в Шанхае – Пудун, который был предназначен для иностранных инвестиций.

И уже в 1999 г. ВВП в зоне Пудуна превысил 80 млрд юаней, а общая стоимость промышленного производства – 145 млрд юаней.

Вместе с тем были открыты дополнительные зоны вдоль реки Янцзы.

А с 1992 г. Госсовет в Китае выделил 15 свободных торговых зон, 32 зоны экономического и технологического развития государственного уровня, 53 новых высокотехнологичных промышленных зон развития.

Все эти зоны играют двоякую роль.

С одной стороны, они являются открытой площадкой с льготной политикой, как «окна» для развития внешне ориентированной экономики, и в то же время играют роль «акселераторов» для внутреннего экономического развития.

В специальных экономических зонах установлены налоговые льготы для иностранных инвестиций, предоставлена большая независимость в международной торговле, провозглашены четыре принципа развития экономики:

1. Строительство в первую очередь основано на привлечении и использовании иностранного капитала.

2. Основными экономическими формами являются совместные китайско-иностранное предприятия и коллективные юридические лица, а также полностью иностранные предприятия.

3. Продукция в первую очередь ориентирована на экспорт.

4. Экономическая деятельность в основном обусловлена рыночными силами.

Специальные экономические зоны представлены в национальном планировании, включая финансовое планирование, и имеют полномочия по экономическому управлению на уровне провинций.

Местный съезд и правительство этих зон имеют законодательную власть.

Ключевым факторам ускорения экономического роста, по мнению китайских организаторов, способствует более высокая либерализация.

Из применяемых льгот в специальных экономических зонах отметим, что при создании новых компаний они были освобождены от уплаты корпоративного налога в случае отсутствия прибыли, а при наличии прибыли корпоративный налог в следующие 5 лет оставался сниженным.

Одновременно эти компании были освобождены от импортных пошлин для закупки всего необходимого оборудования и платили меньше средств во внебюджетные социальные фонды.

Входной НДС возмещался в случае реализации продукции, произведённой на территории этих зон.

Компании освобождались и от ряда косвенных налогов.

Эти зоны были нацелены на производство товаров на экспорт и освобождались от каких-либо пошлин.

В первые 5 лет существования в специальные зоны было привлечено 20% всех прямых иностранных инвестиций в Китае.

В СЭЗ было создано около половины совместных китайско-иностраных предприятий, особую роль сыграло сотрудничество с гонконгским бизнесом.

Наиболее крупной инновационной зоной, созданной в Китае (более масштабной, чем зона Шэньчжэня и даже Шанхая), является обширная зона, расположенная на 500 кв. км, охватывающих района Пекина и его агломерацию, – зона Чжунгуаньцунь.

В этой зоне расположено свыше 10 тысяч хай-тек-компаний.

Среди них 40 университетов, около 200 научно-исследовательских институтов и лабораторий.

Капитализация фирм этой зоны суммарно оценивается по стоимости акций на биржах примерно в 800 млрд

долларов, а суммарные доходы этих организаций – 580 млрд долларов.

Одна только фирма Lenovo, всемирно известный производитель компьютерной техники, оценивается в 45 млрд долларов.

Эта зона по масштабам уступает только Кремниевой долине в США и израильской огромной зоне Silicon Wadi вдоль побережья моря, охватывающей Тель-Авив, его агломерацию, примыкающие города и поселения.

4. Финансовая система Китая как основное условие его ускоренного социально-экономического развития

Китай имеет самую крупную, притом высокоразвитую, финансовую систему, существенно превышающую финансовую мощь США, ведущей державы развитого мира.

При этом масштабы финансовых систем Китая и США в разы превышают такие системы в других крупнейших странах мира, включая Великобританию, Германию, Японию, Индию.

Только Китай – единственная крупная страна мира, где активы банковской системы вдвое превосходят объём валового внутреннего продукта (218%).

И в международном рейтинге активов банковской системы в процентах к ВВП среди 142 стран мира Китай занимает высшее место.

В отличие от Китая и других развитых стран, доля активов банковской системы США в ВВП относительно невелика – 74%.

В рейтинге 2020 г. США по этому показателю занимают только 60-е место. Среди развитых стран мира наибольшую долю банковских активов в ВВП имеет

Япония (171%), Великобритания (146%), Франция (136%).

Намного меньше Германия (98%) – 33-е место.

Из других стран высшая позиция – Южной Кореи (174%), затем Бразилии (132%) и существенно ниже Турции (93%) и Индии (78%).

Россия в этом рейтинге на 64-м месте с 70%.

В 2021 г. банковские активы России сильно выросли на 16% при сокращении ВВП.

И доля банковских активов нашей страны превысила 90% ВВП, поднявшись в рейтинге примерно на 40-е место в окружении Турции и Германии.

Банковские активы Китая в сопоставимой валюте примерно вдвое превышают показатели США.

Но при этом надо учесть, что США с большим отрывом от других стран концентрируют крупнейшие инвестиционные компании во главе с самой большой в мире компанией Goldman Sachs, чьи активы составляют 1163 млрд долларов.

В других странах, в том числе в Китае, инвестиционные фонды обычно входят в состав банковской системы.

Но всё же если суммировать активы банков и инвестиционных компаний США, то в целом они будут уступать банковским активам Китая.

Понятно, что все другие производные показатели развития банковской системы, прежде всего объём кредитования, в Китае самые большие в мире.

И именно в них главный источник самых высоких накоплений основного капитала в Китае, который превышает соответствующий показатель США также почти вдвое, а всех других стран в три и более раз.

Именно в этом «секрет» самых высоких темпов социально-экономического развития Китая с 1978 г., когда

Чжоу Эньлай провозгласил переход к эпохе реформ и «открытых дверей».

За эти 42 года ВВП Китая вырос в 22,8 раза, продемонстрировав среднегодовой темп 8,5%.

При этом в течение 31 года ВВП Китая ежегодно увеличивался по 9,91%, а последние 11 лет по 6,7% из-за падения темпов роста до 3% в кризис 2020-го и в кризис 2022 г.

Ускоренный рост кредитования в Китае стимулировался относительно низкой ключевой ставкой в его банковской системе, которая даже в неблагоприятный 2022 год, характеризующийся небывало высокой инфляцией в мире, составила 3,65% в сравнении с 4,0% в США и Германии, которую к тому же в начале 2023 г. США повысили до 4,25–4,50%.

Надо ли напоминать ключевую ставку России – 7,5%, которая даже выше, чем в Индии (5,90%), не говоря обо всех развитых и постсоциалистических странах, где она в 2–3 раза ниже.

Поддержание столь низкой ключевой ставки в Китае опирается на умелое регулирование низкой инфляции.

Её среднегодовой уровень в 2010–2021 гг. составил 3,2%, колеблясь от 0,9 (самой низкой) до 5,4% (самой высокой).

Даже в США эти колебания выше (от 0,1 до 4,7%).

Про Россию я не говорю – здесь средний рост инфляции 6,5%, вдвое выше, чем в Китае, с колебаниями от 2,9 до 15,5%.

Даже в Индии при том же уровне средней инфляции в этот период колебания существенно ниже – от 3,4 до 10,5%.

Я уже не говорю об Индонезии, Мексике.

Интересно, что инфляция в Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах ещё ниже – с максимальным повышением инфляции за год 3,7% и 4,1%.

А ведь это страны, где доля нефти в ВВП выше, чем в России, но они умеют сдерживать инфляцию при огромных колебаниях цен на нефть в этот период (до 2–3 раз годовой цены на нефть).

А Россия не умеет.

При таком развитии банковской системы Китай имеет высокий коэффициент монетизации.

Объём денежной массы M2 в процентах к ВВП в Китае составляет 224% в 2021 г., а в России 51%.

Здесь Китай уступает только Японии (291%), но намного опережает США (93%), Германию (110%) и Великобританию (142%).

Немногие страны мира имеют столь неразвитый рынок, а значит, и коэффициент монетизации, как Россия.

Даже ЮАР имеет здесь коэффициент 79%, а в Турции 64%.

Но справедливости ради надо сказать, что в России этот коэффициент хоть медленно, но растёт. В 2010 г. он был равен только 43.

Финансовое состояние страны во многом связано с объёмом внешнего долга.

Внешний долг Китая составляет немногим более 2 трлн долларов, что в 8,5 раза меньше объёма их номинального ВВП.

В США долг 20,3 трлн долларов по международному рейтингу 2020 г.

Их долг наибольший среди всех 207 стран.

На втором месте Великобритания с долгом 8,7 трлн, на третьем – Франция (6,4), на четвёртом – Германия (5,7),

затем Япония (4,3). Россия с долгом 480 млрд долларов занимала более низкую, 26-ю позицию.

Но по отношению к ВВП этот долг вдвое больше, чем в Китае, не 12% ВВП, а 25%.

Важной характеристикой финансового положения, его надёжности и безопасности является объём резервов. Китай здесь имеет наибольшие резервы в мире, занимая с большим отрывом первое место в международном рейтинге из 180 стран.

В 2020 г. его резервы составляли 3,4 трлн долларов, в США немного выше 0,6, а в России немного ниже 0,6.

Золотовалютные резервы России тоже крайне высоки.

Она занимала пятое место в мире по объёму резервов после Китая, Японии (1,4 трлн долларов), Швейцарии (1,1 трлн долларов) и США.

К началу 2022 г., как известно, Россия немного опередила США по абсолютной сумме золотовалютных резервов, достигнув 643 млрд долларов.

Существенной характеристикой развития финансовой системы является масштаб биржевого рынка.

Здесь с большим отрывом от других стран лидируют, как известно, США.

Объём капитализации Нью-Йоркской биржи NYSE 27,2 трлн долларов, а биржи высокотехнологичных компаний Nasdaq 22,4 трлн.

Биржи Китая на втором месте. Шанхайская биржа (SSE) 7,37 трлн долларов и Шэньчжэньская биржа 5,33 трлн.

Я не говорю о Гонконгской бирже – 4,97 трлн.

На третьем месте главная биржа ЕС Euronext – 6,67 трлн долларов, а затем японская – 6,0 трлн долларов. Кстати, знаменитая Лондонская биржа (LSE) – 4 трлн долларов.

С Россией тут сравнивать смешно.

Она имеет малюсенькую по мировым масштабам, полуспекулятивную биржу с преобладанием «коротких» денег, огромной волатильностью.

Её масштабы в десятки раз уступают США и Китаю.

На мировом финансовом рынке в 2022 г., по мнению ряда экспертов, случилась революция: новым центром IPO – первичных размещений акций на биржах – стал Китай, обойдя США.

Лидером в мире по итогам 2022 г. стал крупнейший китайский инвестбанк CITIC со сделками в этой сфере 18,6 млрд долларов.

На втором месте тоже китайский банк China International Capital Corporation с результатом 10,4 млрд. Лучшая западная организация американская City Group – 7,6 млрд долларов.

Важный показатель – финансовая нагрузка на экономику страны, которая измеряется доходами общего правительства³ в процентах к ВВП.

Россия здесь входит в высшую группу с нагрузкой 45–50% ВВП вместе с Францией и Италией.

На второй позиции, 40–45%, Германия и Великобритания.

Китай на третьей позиции с достаточно высокой финансовой нагрузкой – 35–40% вместе с Японией, Канадой и Испанией.

А США на одну позицию ниже – 30–35%.

При этом налоги в Китае ниже, чем в других странах, и поэтому налоговая нагрузка в процентах к ВВП в Китае только 15–20% ВВП вместе с Индонезией.

В США на позицию выше – 20–25%.

³ Доходы общего правительства – это показатель международной финансовой статистики, которая ведётся МВФ. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/>

Южная Корея ещё на позицию выше, а средняя налоговая нагрузка стран ОЭСР составляет 30–35%.

В эту группу входит Великобритания, Япония, Канада и Бразилия, а главное, в эту относительно высокую группу включена и Россия.

Ещё выше нагрузка в Германии (35–40%), и особенно Франции, Италии и Швеции (свыше 40%).

Из анализа финансовой системы Китая в сравнении с Россией становится понятно, почему в Китае столь высокие темпы социально-экономического развития, с одной стороны, и почему вот уже 10 лет Россия пребывает в стагнации.

5. Инновации в Китае

С 80-х гг. прошлого века Китай взял твёрдый курс на инновационное развитие.

И если на первых порах это инновационное развитие во многом осуществлялось за счёт привлечения в Китай предприятий развитых стран с передовыми технологиями, то одновременно Китай наращивал усилия по развитию собственной науки, образования и разработке инноваций.

Для этого ускоренно стал развиваться сектор НИОКР, доля которого в огромном валовом внутреннем продукте Китая поднялась до 2,1% и приблизилась к соответствующим показателям Западной Европы и США, показателей которых при преимущественном росте этой сферы Китай достигнет в течение ближайших 5–7 лет.

При этом доля НИОКР в ВВП Китая почти вдвое превысила этот показатель в России, который давно стагнирует на уровне около 1,1%.

Институт исследований и экспертизы Внешэкономбанка России осуществил сводную оценку рейтинга ведущих стран мира по развитию научного комплекса.

Первое место здесь заняли США, лидируя по финансовым затратам на НИОКР, научно-технологическим публикациям и уровню образования среди топ-500 вузов мира.

Китай по числу исследований и по патентам здесь занял первое место.

А по итогам вышел на второе место.

У Китая вторые места по затратам на НИОКР и публикациям и только 5-е место по топ-500 вузов.

За Китаем следует Япония, которая по всем показателям ниже Китая, затем Германия, которая превышает уровень Китая в высшем образовании. 5-е итоговое место заняла Великобритания, которая отличилась 2-м местом среди топ-500 вузов, а 6-е место – Южная Корея, у которой 4-е место по патентам.

И только за Южной Кореей идёт Россия, занимающая 7-е место, в том числе 6-е по числу исследователей, 8-е по финансовым затратам на НИОКР, 11-е по патентам, 12-е по публикациям и 7-е по топ-500 вузов.

На 8-м итоговом месте Италия, на 9-м – Канада.

Наращивается и улучшается система образования в Китае, особенно высшего.

К тому же сотни тысяч китайцев направляются для получения образования в развитые страны, и большинство из них возвращается в свою страну, реализуя на месте полученные знания.

И если Московский университет по международному рейтингу занимает 75-е место в мире – единственный среди 100 университетов, то в Китае в первые 100 университетов вошли 4 университета: на 33-м месте университет Цинхуа, на 57-м месте – Пекинский, на 82-м месте – Шанхайский Цзяотун и на 83-м месте – Чжэцзянский (Национальный университет Че Кианг).

В то же время отметим, что по финансированию сферы образования показатель Китая пока довольно низкий, примерно как в России, – 4%.

По уровню школьного образования Китай существенно отстаёт от России, и поэтому в целом по уровню и качеству образования среди 189 стран мира Россия занимает высокое 39-е место, опережая Францию и Италию, и намного выше, чем Китай, рейтинг которого ближе к 100-му месту.

Понятно, что Китаю намного труднее, чем России, поднять средний уровень и качество образования всей нации, имея численность населения в 10 раз больше (1450 млн человек).

Китай намного опережает Россию по развитию информационно-коммуникационных технологий, важнейшей отрасли сферы «экономика знаний» – главной составной частью человеческого капитала.

Доля ИКТ в номинальном ВВП Китая 10% (ЕС – тоже 10%, а США – 11%), а в России в 2,5 раза ниже – 4%. Поэтому в целом удельный вес «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте страны в Китае составляет 22% – в 1,5 раза больше, чем в России, где эта доля 14%.

Благодаря тому что Китай развивается втрое быстрее развитых стран, он в обозримое время, лет за пять, во всяком случае к 2030 г., достигнет здесь уровня Западной Европы, где доля «экономики знаний» в ВВП 30%.

В инновационном развитии Китай всё больше опирается на использование своих инноваций, ускоренно их разрабатывая.

Он намного обошёл США и все другие страны по разработке новых патентов, опередив США, вторую после Китая здесь державу, более чем вдвое.

Однако по числу инновационных фирм-единорогов, капитализация которых оценивается более чем в 1 млрд долларов, Китай пока существенно отстаёт от США.

Из 1302 таких фирм по состоянию на май 2022 г. в США их организовано 616, а в Китае только 275.

Но Китай здесь более чем в 2,5 раза превзошёл страны Европейского союза, в которых насчитывается только 105 таких организаций.

А если взять отдельные страны – Великобританию, Германию и другие, то здесь разница в 5–6 раз в пользу Китая.

Общая стоимость компаний-единорогов в 2022 г. в Китае превысила триллион долларов – 1103 млрд, а в ЕС 311, в Великобритании 223, в Японии 19.

Самые крупные фирмы-единороги находятся в Китае. Капитализация крупнейшей фирмы-единорога ByteDance оценивается в 180 млрд долларов.

Она обладает проектом TikTok.

И ещё одна китайская фирма оценивается свыше 100 млрд долларов.

В Америке такая фирма одна – Space-X Илона Маска.

Ряд фирм в Китае имеют стоимость свыше 10 млрд долларов.

Напомню, что фирмы-единороги – это фирмы, в основном финансируемые венчурными фондами с не реализованными ещё инновациями.

Они должны «выстрелить» через какое-то время, реализуя эти инновации, переводя фирмы на коммерческие начала, котируя их на фондовых биржах.

Так что эффект Китая от использования инноваций впереди.

Наибольшее число фирм-единорогов в Китае, как и в других странах, сосредоточено на разработке финансовых

услуг, электронной коммерции, искусственного интеллекта, разработке приложений, информационных технологий, а также услуг для бизнеса.

Слабее, чем в США и ряде других стран, развиты в Китае фирмы по биотехнологии и здравоохранению.

Финансирование инновационных фирм-единорогов в Китае в основном осуществляется за счёт крупных фондов венчурных инвестиций.

Особенно сильно венчурные инвестиции выросли в 2021 г. – на 50% – и составили 130,6 млрд долл.

Для сравнения укажем, что увеличившиеся в 3,5 раза венчурные инвестиции России в 2022 г. впервые вышли на миллиарды долларов и составили 2,4 млрд – в 50 раз ниже, чем в Китае.

Более высокие венчурные инвестиции в 2021 г. были только у США – 296,6 млрд долл., вдвое больше, чем в Китае.

В то же время в отдельные фундаментальные технологии Китай вкладывает больше средств, например, в start-up по полупроводникам Китай в последние годы вкладывает больше средств, чем США, – 8,8 млрд в 2021 г.

Пекин наметил повышение расходов на НИОКР в перспективе больше чем на 7% в год.

Они выделили несколько приоритетных технологических областей, где надеются достичь прорывов: исследования космоса, науку о мозге, квантовую информацию, водородные автомобили, биотехнологии, полупроводниковую промышленность.

Европейские институты обследовали 2500 крупных инновационных компаний в мире с затратами на НИОКР не менее 34,7 млн евро у каждой.

Эти компании зарегистрированы в 43 странах, и они охватывают 90% всех частных затрат на НИОКР.

В Китае таких фирм насчитывалось 536 в 2019 г. Больше только в США – 775.

В ЕС их насчитывается 421, в Японии – 309, в Германии – 124, в Великобритании – 121.

Но по расходам на НИОКР Китай занимает здесь 3-е место, уступив ЕС. Наукоёмкость его инновационных фирм (доля затрат на НИОКР в общей выручке) 3,3%, выше, чем во Франции, Великобритании и даже на Тайване, но ниже, чем в Германии, и немного ниже, чем в Японии, – на уровне Южной Кореи.

В целом на Китай приходится в этом обследовании 13,1% всех расходов на НИОКР.

Больше, чем в Японии и Германии, но меньше, чем в ЕС (20,9%) и тем более чем в США – 38%.

Прибыльность этих фирм в Китае не дотянула до 300 млрд долларов, в то время как в ЕС более 470, а в США более 720 млрд долларов.

Да и выручка этих инновационных фирм в Китае составляет 4 трлн долларов, в то время как в ЕС 5,4, а в США 5,5.

Но здесь Китай вдвое превзошёл Германию, втрое Великобританию и на 0,5 трлн долларов Японию.

Что касается численности занятых в указанных инновационных фирмах, то в Китае их насчитывается около 12 млн, что на 1 млн больше, чем в США, но почти на 5 млн ниже, чем в ЕС.

Здесь Китай на втором месте.

6. Внешняя торговля Китая с Россией.

В 2021 г. товарооборот России с Китаем достиг 140,7 млрд долларов и за год увеличился более чем на 35%.

Экспорт России в Китай при этом составил 68 млрд долларов, поднявшись на 39%, а импорт России из Китая достиг 72,7 млрд долларов – рост на 32%.

Импорт, как видно, немного превысил экспорт.

Доля Китая в экспорте России в 2021 г. составила 13,8%.

В 2020 и 2021 гг. Китай занимал первое место по экспорту в Россию среди стран мира.

Доля Китая в импорте России также на первом месте.

Россия экспортирует в Китай в основном минеральные продукты (74% всего объёма экспорта), прежде всего нефть и нефтепродукты, природный газ, уголь, железные, медные и другие металлы, алюминий.

Меньший удельный вес занимают удобрения, неорганическая химия, рыба и морепродукты.

Высока доля в экспорте древесины и целлюлозно-бумажных продуктов (7,6%).

Металлы и изделия из них занимают 5,7%.

Немного ниже продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё – 5,0%.

Ещё ниже продукция химии – 3,8%, а также машины, оборудование и транспортные средства – 3,4%.

В структуре импорта России из Китая в 2021 г. наибольший удельный вес составляют машины, оборудование и транспортные средства – 60,8%, затем химическая промышленность – 11,3%, текстиль и обувь – 9,2%, металлы и изделия из них – 7,1% и меньше всего продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё – 2,0%.

Российско-китайский товарооборот в 2022 г. вырос на одну треть и достиг 190 млрд долларов, немного не дотянув до намеченного на этот год 200 млрд долларов.

При этом экспорт из России в Китай увеличился на 114,1 млрд долларов – на 44% больше, чем годом ранее.

В то же время из других стран поставки товаров в Китай возросли всего на 1,1%.

А вот импорт России из Китая возрос намного меньше – всего на 12,8% – и составил 76,1 млрд долларов. Возник рекордный профицит в торговле России с Китаем – 38 млрд долларов.

Это главным образом связано не только с увеличением поставки в Китай нефти, природного газа, СПГ и угля, а также продовольствия и сельскохозяйственной продукции, но с резким ростом мировых цен на энергоносители.

Важным является всё больший переход на оплату поставок энергоресурсов в нацвалютах, в том числе плата за российский газ уже осуществляется на паритетной основе в рублях и юанях.

Россия могла бы поставлять в Китай существенно больше угля.

Но поставки сократились из-за транспортного коллапса РЖД. Сильно увеличились поставки золота и палладия из России в Китай.

Китай занял доминирующее положение в импорте в Россию, доведя этот импорт до 76 млрд долларов, в то время как импорт из Германии (второе место после Китая) составил 27 млрд долларов, из США – 17,5, из Беларуси – 15, из Южной Кореи – 13, а из Франции и Италии по 12 млрд долларов. Совсем небольшой импорт из Турции – 6,5 млрд, из Индии – 4,4 млрд.

Зато намного больше импортных товаров поступило из Казахстана – 7,1 млрд (данные 2021 г.).

В перспективе Россия собирается существенно увеличить экспорт в Китай нефти и нефтепродуктов прежде всего за счёт перевозки нефти танкерами, так как нефтепровод работает на пределе возможностей, поставляя 80 млн тонн в год.

Намечено построить ещё один небольшой нефтепровод в Восточный Китай с месторождения нефти на Дальнем Востоке.

Намного больше будет прирост поставки природного газа в Китай за счёт подключения к газопроводу «Сила Сибири» крупнейшего Ковыктинского газового месторождения в Иркутской области, а также за счёт строительства нового газопровода через Монголию в Западный Китай, на что потребуется, естественно, несколько лет.

Поэтому всё больше газа в Китай Россия будет поставлять в сжиженном виде, в том числе по Северному морскому пути, в связи со строительством в Арктике нового крупного завода по сжижению газа.

На 2023 г. выделяются крупные средства по расширению пропускной способности Транссиба и БАМа, прежде всего по перевозке угля.

И угольный поток в Китай поэтому тоже расширится. В 2022 г. значительно выросла торговля с Китаем сельскохозяйственной продукцией, товарами химической промышленности и электромеханическими изделиями.

Этот рост продолжится и, возможно, даже возрастет в последующие годы.

Из Китая в 2023 г. ожидается начавшийся в 2022 г. ускоренный рост поставок в Россию по импорту транспортных изделий, в первую очередь автомашин, особенно электроавтомобилей.

Одновременно китайские фирмы вводят в строй свои автотранспортные мощности на территории России взамен ушедших из России автомобильных фирм «недружественных», прежде всего развитых стран, особенно Германии, Японии и Франции.

Мы ожидаем также ускоренный рост поставок в Россию из Китая высокотехнологичных товаров, прежде всего полупроводников, компьютерной техники, передающих

устройств и различного металлообрабатывающего оборудования.

7. Уровень жизни и социально-демографическое развитие Китая

Ежегодный рост экономики Китая по 8–10% в год в последние 40 лет существенно поднял уровень жизни китайского населения.

В значительной мере Китай обеспечил своё население продовольствием, хотя качественное питание для половины населения страны труднодоступно из-за невысокого дохода.

Ведь в Китае огромное социальное неравенство, прежде всего по распределению доходов на душу населения.

Основными здесь считаются три показателя:

Первый показатель – соотношение душевого дохода 10% самого зажиточного населения к среднему доходу 10% самого малообеспеченного населения в расчёте на душу.

Это соотношение в Китае 21,2 раза в сравнении с 15:8 в США и 12,7 в России, по данным международного рейтинга.

В среднем по странам ЕС эта разница составляет 10 раз, в том числе в Германии 6,9 раза, в Швеции – 6,2, в Японии – 4,5, в СССР она была 3 в 80-е гг. и 4 в 1990 г., накануне распада СССР.

Второй показатель – такое же соотношение, но по 20% населения, бедного и богатого.

В Китае разница 12,2 в сравнении с 8,4 в США и 7,6 в России, в ЕС 4,3, а в Японии даже 3,4.

И третий показатель – коэффициент социального неравенства Джини от 0 до 100. В Китае он 46,9, в США – 40,8, в России – 39,9, в Германии – 28,3, в Японии – 24,9.

Показатели социального неравенства в Китае в сравнении с США, Россией, Германией и Японией представлены в следующей таблице.

Страны	R/P 10%	R/P 20%	Коэффициент Джини от 0 до 100
Китай	21,2	12,2	46,9
США	15,8	8,4	40,8
<u>Россия</u>	12,7	7,6	39,9
Германия	6,4	4,3	28,3
Швеция	6,2	4,0	25,0
Япония	4,5	3,4	24,9

R/P 10% – превышение душевого дохода 10% богатого населения по сравнению с соответствующим доходом 10% бедного населения (в разгах). R/P 20% – тоже по 20% группе населения.

Коэффициент Джини показывает степень социального неравенства (отсутствие – 0, максимум – 100)

Китаю предстоит, если взять долгосрочную перспективу, примерно вдвое сократить это социальное неравенство.

В последние 15–20 лет Китаю удалось преодолеть абсолютную нищету, устранив население, ежедневный душевой доход которого был один доллар и ниже.

Таких в Китае в прошлом насчитывалось 800 млн – более половины всей численности населения, а осталось их 1,7%. Что касается бедного населения, то его слой в Китае огромен.

Комплексным показателем, характеризующим уровень жизни населения в стране, является индекс социального (человеческого) развития, подготовленный программой развития ООН, которая характеризует развитие человека, качество и уровень жизни по странам мира.

По итогам за 2019 г. США в этом рейтинге занимают 17-е место с индексом 0,926.

Из крупных стран выше Германия, на 6-м месте, и Великобритания, на 13-м месте. Китай занимает 85-е место из 189 стран с индексом 0,761.

Выше него Бразилия и Мексика из крупных стран.

Россия занимает 52-е место вслед за Чили и Аргентиной, уступая большинству постсоциалистических стран.

Из крупнейших стран низкие места у Индонезии (107-е) и Индии (131-е).

При определении рейтинга учитывается множество факторов: уровень культурного развития, здоровья, положение в области прав человека и гражданских свобод, социальная защищённость, социальная мобильность и другие.

Что касается материальных сторон жизни, то они зависят от располагаемого уровня доходов и объёма потребления материальных благ.

Этот показатель зависит от уровня экономического развития (ВВП на душу населения) и доли конечного потребления домашних хозяйств в ВВП.

Эти данные по Китаю в сравнении с США и Россией приводились выше.

По среднему доходу на душу из 182 стран в 2020 г. США занимают 10-е место с 60,2 тыс. долларов по ППС,

Россия 50-е с 24,9 тыс. долларов, а Китай 74-е место с 16,8 тыс., на несколько позиций выше Бразилии, но ниже Аргентины и Мексики.

Большинство постсоциалистических стран Европы занимают более высокие места, чем Россия. Прибалтика – 30-е место, Польша – 43-е, Румыния – 50-е.

Выше России Турция, а ниже – Хорватия, Чили и Казахстан.

Как видно, Китай в 3,6 раза ниже США и в 1,5 раза ниже России.

При прогнозируемых темпах его развития на перспективу Китай, по-видимому, догонит Россию лет через десять, а развитые страны, например Испанию, занимающую 30-е место с 38 тыс., лет через пятнадцать.

Заметим, что в последние десятилетия Китай сделал огромный рывок в повышении реальных доходов.

Реальные доходы на душу населения в Китае увеличились с 10 977 в 2000 г. до 25 974 юаней в 2017 г.

По сравнению с 1978 г., годом начала реформ в Китае, реальный доход вырос в 22,8 раза и увеличивался по 8,5% ежегодно.

При этом доходы малообеспеченных семей и особенно самых бедных слоёв увеличивались быстрее.

Минимальная заработная плата Китая в начале 2023 г. достигла 2590 юаней в месяц – более 25 тыс. руб., или около 385 долларов.

Притом, в отличие от России, низкие доходы в Китае, в том числе размер минимальной зарплаты, не облагаются подоходным налогом.

Средняя зарплата в Китае в 2021 г. составила 1323 долларов, или около 90 тыс. руб. в месяц, – более 1 млн руб. в год.

В то же время в России средний уровень зарплаты в 1,5 раза ниже.

Как видно, разница между минимальной и средней зарплатами в Китае составляет 3,4 раза, а России она больше примерно в 5 раз.

К тому же в России к официально публикуемой зарплате, по данным Росстата, предприятия выплачивают теневые надбавки в конвертах или в других выплатах в размере 20–25%.

В Китае МРОТ впервые был введен в 1994 г.

В связи с разным уровнем жизни по провинциям и городам минимальная зарплата в Китае не является единой.

И каждая провинция, муниципалитет или регион устанавливают свою минимальную зарплату в соответствии с местными условиями.

Минимальная зарплата в Китае двух видов: ежемесячная – для работников, занятых полный рабочий день, и почасовая – для тех, кто занят не полный рабочий день.

Она варьируется от 1220 юаней (191,35 доллара) и 12,5 юаня (1,96 доллара) в час до 2590 юаней (385) и 23 юаней (3,61 доллара) в час в Шанхае.

Самая высокая почасовая минимальная зарплата установлена в Пекине – 25,3 юаня (3,97 доллара) в час.

В прошлом в Китае не было развито пенсионное обеспечение и многие другие социальные пособия, принятые в цивилизованных странах.

Но по мере развития на всё большую численность населения стало распространяться пенсионное страхование.

В 1989 г. было застраховано 57,10 млн человек.

Эта численность увеличилась к 2012 г. до 304,27 млн человек, а в 2017 г. до 402,93 млн человек.

В Китае сформирован значительный слой предпринимателей, среди которых 389 человек являются миллиардерами по состоянию на 2020 г.

Здесь Китай на 2-м месте после США, где насчитывалось 614 миллиардеров.

Россия занимает 5-е место в мире по числу миллиардеров, уступая также Индии и Германии с 99 миллиардерами.

В последние годы кризисной ситуации определённая часть богатых людей выезжает в другие страны из Китая и России.

В 2021 г. Китай покинуло 16 тыс. миллионеров (минус 2%), к которым относятся лица с состоянием от 1 до 10 млн долларов.

Россию в это время покинуло 5,5 тыс. таких миллионеров (минус 6%).

В отличие от России, где ставка подоходного налога была установлена единой по доходам бедных и богатых, и только в последнее время для тех, кто зарабатывает более 1 млн руб. в год, установлена ставка 20%, в Китае установлена крутая прогрессивная шкала на доходы физических лиц. С лиц, получающих менее 3 тыс. юаней в месяц, налог не взимается.

От 3 до 12 тыс. ставка налога 10%, от 12 до 25 тыс. – 20%, от 25 до 35 тыс. – 25%, от 35 до 55 тыс. в месяц – 30%, от 55 до 80 тыс. – 35% и свыше 80 тыс. – 45%.

Чтобы представить себе, какая сумма дохода в рублях облагается налогом в Китае, отметим, что один юань оценивается примерно в 10 рублей.

Так что 25-процентным налогом облагается месячная зарплата в 120 тыс. руб., 30-процентным – свыше 350 тыс. руб., а свыше 800 тыс. руб. – 45-процентным налогом.

Особое внимание Китай уделяет жилищному строительству.

Он давно превзошёл все страны мира по объёму вводимого жилья, строя его более 1,5 млрд кв. м в год.

В сутки в настоящее время Китай создаёт жильё для 100 тыс. человек – население среднего города.

Объём вводимого жилья поднялся с 690 млн кв. м в 1981 г. до 1550 млн кв. м в 2017 г.

И если в 1987 г. жилищная обеспеченность Китая составляла 10 кв. м, то к 2000 г. эта обеспеченность превысила 30 кв. м, а в 2020 г. она достигла 41,76 кв. м на душу со средним размером квартиры на семью 111,18 кв. м.

Россия в 2022 г. ввела общего жилья 100 млн кв. м – средняя обеспеченность на душу более 26 кв. м, а комфортного жилья (с холодной и горячей водой и туалетом) – около 17 кв. м, что вдвое ниже, чем в странах ЕС (35 кв. м).

Чтобы стимулировать людей арендовать жильё, Китай ввёл для арендаторов льготное налогообложение, устанавливая сниженные ставки за счёт сокращения налогов на имущество и снижая НДС на жилищное строительство.

Компания-арендодатель получает льготную ставку НДС в размере 1,5% вместо 5-процентной стандартной ставки.

Втрое, до 4%, снижен налог на имущество.

В настоящее время Китай испытывает трудности в реализации уже построенной недвижимости и поэтому обсуждает и применяет новые льготы.

При этом стоимость недвижимости, в том числе жилья, в Китае растёт быстрее повышающихся доходов.

За последние 10 лет стоимость 1 кв. м с 8 тыс. юаней выросла до 26 тыс., что в разы превышает стоимость жилищной недвижимости в России.

Этот рынок находится в дисбалансе.

При большом количестве предложений спрос продолжает падать.

В ближайшее время ожидаются крупные меры по упорядочению рынка недвижимости, из-за которого в Китае возникла кризисная ситуация.

Эти меры тем более важны, что высокий темп роста Китая в значительной мере был вызван сверхвысокими темпами строительства недвижимости.

На благосостояние китайских семей серьёзнейшее влияние оказывает демографическая политика государства. С 1979 г. в Китае, в единственной стране мира, проводилась политика одного ребёнка на одну семью.

Она проводилась до 2015 г.

Уже к 2000-м годам среднее количество детей, рождённых одной женщиной в течение жизни, в Китае снизилось с 6 в начале 70-х гг. до 1,6.

В конце 2015 г. количество допустимых в семье детей было увеличено до двух.

Но пока это не сказалось на увеличении количества рождённых детей.

В 2014 г., например, в Китае родилось около 17 млн детей, а в 2020 г. только 12 млн.

Поэтому тренд глобального старения населения, характерный для большинства населения в мире, в Китае проявляется сильнее.

По прогнозам демографов, во второй половине XXI в. население Китая сократится с 1450 млн человек в настоящее время до менее 1 млрд человек.

Суммарный коэффициент рождаемости при этом (количество рождений на одну женщину) в Китае прогнозируется в размере 1,7–1,77, в то время как для расширенного воспроизводства необходим коэффициент свыше 2,1.

Прогнозы по Китаю, естественно, не учитывают возможные меры по дальнейшему стимулированию роста рождаемости, если это позволит социально-экономическое улучшение жизни и возможности развития Китая.

В Китае стремительно меняется соотношение мальчиков и девочек, причём девочек рождается всё меньше.

У китайских мужчин возникают сложности при создании семьи.

С 2013 г. зафиксировано сокращение численности работоспособного населения Китая.

Снятие ограничения «одна семья – один ребёнок» и возможность беспрепятственного рождения второго ребёнка, как видно из приведённых выше данных, не повлекло за собой, как ожидалось, ежегодного повышения рождаемости до 3 млн человек.

Напротив, прирост населения продолжал по инерции сокращаться.

Частично это компенсировалось вовлечением старших возрастов в народное хозяйство, в том числе в наёмный труд.

Число работающих по найму в Китае увеличилось с 30,2 млн человек в 1978 г. до 77,6 млн человек в 2017 г.

Доля занятого населения достигла 44,9% населения к 2017 г.

Ожидаемая продолжительность жизни в Китае ежегодно увеличивается и уже превысила 78 лет, в отличие от России, где в 2020–2021 гг. в период коронавирусной пандемии ожидаемая продолжительность жизни снизилась с 73,4 до 70,1 и только в 2022 г. начала восстанавливаться.

Возможно, в 2023–2024 гг. мы достигнем и превзойдём докризисный (2019 г.) уровень ожидаемой продолжительности жизни.

Это произойдёт за счёт сокращения катастрофически возросшего уровня смертности в период пандемии.

Уровень смертности 2019 г., 1,8 млн человек, восстановится в первой половине 2023 г. и дальше будет сокращаться.

Но прирост населения, как известно, зависит не только от этого, но и от динамики суммарного коэффициента рождаемости, который у нас сокращается с 2015 г., когда он достиг максимума 1,777, а в 2022 г. составил около 1,5.

Будет ли он расти?

Неясно, так как 2023 г. ожидается кризисным годом с падением экономики на 3–4% и возможным ухудшением отдельных сторон благосостояния населения.

К тому же расходы на здравоохранение в бюджетных проектировках увеличивать не намечается.

Что касается увеличения пособий на детей в малообеспеченных семьях, то они больше нацелены на рождение первого ребёнка, а не второго и третьего, от которых в наибольшей мере, как считают демографы, зависит коэффициент рождаемости.

Негативной стороной уровня жизни и поддержания здоровья населения в Китае является массовое курение.

По числу курильщиков Китай с большим отрывом от других стран занимает первое место.

В Китае курят 303,5 млн человек, в то время как в остальных 182 странах мира вместе взятых, где проводятся соответствующие обследования, число курильщиков ненамного больше, чем в одном Китае, – всего 376,9 млн человек, в то время как суммарная численность населения этих стран в 4,5 раза выше, чем в Китае.

Правда, в Китае низкий уровень числа самоубийств.

На 100 тыс. населения самоубийством в Китае кончают 9 мужчин и 5 женщин, а в России 38 мужчин и 8 женщин.

Россия занимает среди крупных стран 1-е место в мире, существенно опережая другие страны.

Китай привлёк в прошедшие годы 250 млн мигрантов.

Условия их привлечения и жизни в сравнении с местным населением в Китае выше, чем в России.

В Китае за время реформ в последнее 40-летие сформировался средний класс, к которому в Китае относятся лица, доход которых ежедневно составляет от 10 до 50 долларов.

Его доля в общем населении Китая составила 40%.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, мы уже за регламент вышли, но это с нами не первый раз происходит.

Кстати, 103 человека было до 12 часов, сейчас стали сокращаться в ZOOM.

У меня просьба к докладчикам – посмотрите, пожалуйста, в чате к вам вопросы есть.

Потому что, когда я дам заключительное слово, желательно ни один из поставленных вопросов без внимания не оставить.

Хотя я всегда приглашаю не стесняться и вопросы задавать живую.

Тем не менее скромность – наша характерная черта.

И мы иногда скромничаем, не задаём вопросы.

Я сейчас попрошу Михаила Вениаминовича, он просил слово, и уже будем подводить черту, если не возражаете.

А, ещё Олег Михайлович просил.

В чате ещё Руслан Семёнович руку поднял.

Давайте мы в такой последовательности выступим и потом будем завершать.

Пожалуйста, Михаил Вениаминович.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН

Уважаемые коллеги, у нас необычный семинар.

Те семинары, в которых я принимал участие, были посвящены оценке того, как у нас развиваются различные отрасли науки, промышленности, образования, здравоохранения.

И ни одного доброго слова я на этих семинарах не услышал.

А вот на сегодняшнем семинаре я услышал очень много добрых слов в адрес развития китайского общества и китайской экономики.

Очень важно то, что я сегодня услышал о Китае, что они очень быстро начали расти, это я услышал первый раз в конце 80-х годов, когда работал в Париже.

И с того времени на Западе всё время слышим, что они вот-вот захлебнутся, что вот-вот они опрокинутся и так далее

Прошло 30–40 лет.

И они не опрокинулись, не перевернулись, они продолжают развиваться.

Угол вектора этого развития может немного меняться в различные интервалы времени, что не отражается негативно на прогрессирующем развитии Китая.

Невольно информацию о Китае мы старались сопоставить с тем, что происходит в нашей стране.

У нас тоже есть вектор.

Изменения в нашей стране также можно описать вектором в том направлении, о котором мы все знаем и который не раз обсуждали на этом семинаре.

У нас были семинары, посвящённые науке, посвящённые разработке новых технологий.

Говорилось о том, что прозвучало и в заслушанном данном докладе, – о недофинансировании научной и научно-технологической сферы в несколько раз.

Также говорилось о том, что в этой области мы отстаём даже от развивающихся стран.

Приводили в качестве примера развивающейся страны Бразилию. Я уже не говорю об отставании от развитых стран.

В контексте доклада странно было слышать об успехах наших людей в Силиконовой долине.

Действительно, эти успехи были достигнуты в Силиконовой долине, а не в Сколково.

В этом вопрос?

Это значит, почва в Силиконовой долине даёт им такие возможности, а в Сколково – нет.

И опять же вопрос: почему?

Если вернуться на 30–40 лет назад, в конце 80-х годов было две тенденции. Американцам и нашим апологетам классического капиталистического общества очень хотелось убедить мир в том, что идея коммунизма погибла.

И на этом можно поставить точку, что и было сделано в нашей стране.

Однако к этому времени в мире сформировалась и вторая концепция развития общества – необходимость либерализации социалистической системы.

Я долго жил в этих странах и был свидетелем плодотворной реализации этой концепции.

Так, в Венгрии была создана, между прочим Андроповым, модель либерального социализма.

Я был свидетелем того, что это было абсолютно свободное общество.

Все мои знакомые венгры – молодые учёные – стажировались в Америке, причём им не было запрещено контактировать с венгерской диаспорой.

Однако ни один из них не остался на Западе, они все возвращались. Это была абсолютно идеальная модель. Принципиально такая же концепция либерализации социалистической системы была предложена Дэн Сяопином, и сейчас мы видим замечательные плоды её реализации.

Каковы же всё-таки преимущества либерального социалистического уклада перед капиталистическим?

Прежде всего, это сочетание плановой экономики и внеплановой – частного сектора под государственным контролем.

Это первое.

Второе – сохранение у власти коммунистической партии.

Была абсолютная необходимость сохранить коммунистическую партию не столько как идеологическую, сколько как партию, которая составляла основу административного управления страной.

Разрушив партию, разрушили государственность.

И в некоторых странах, мы даже догадываемся в каких, государственность до сих пор не восстановлена.

В Китае компартия – это инструмент для борьбы с коррупцией.

Я был в Китае, когда зарождалась эта либеральная система, в начале 2000-х годов, встречался с высоким китайским партийным руководством.

Они рассказывали, каков механизм всей этой машины. Коммунистическая партия, горкомы распределяли деньги.

Но не имели права к ним прикасаться.

И далее они анализировали, насколько эффективно были использованы эти средства, опять же не прикасаясь к этим деньгам.

То есть была создана антикоррупционная система.

Мне кажется, вот два обозначенных преимущества привели к тому, что Китай успешно развивается, опережая по темпам развития наиболее развитые капиталистические страны.

Гарегин Ашотович, это первое оптимистическое заседание Вашего семинара, в котором я принимал участие.

Я не верю тем людям, которые до сих пор утверждают, что, несмотря на текущие успехи Китая, завтра он захлебнётся и будет у нас просить экономической помощи.

Мне хотелось бы провести кое-какие параллели с развитием и состоянием научно-технологической сферы в нашей стране.

В докладе была высказана критика Академии наук.

Я её могу усилить, будучи членом Академии.

На последнем отчётном собрании я выступал и сказал, что из доклада президента Академии следует, что им было поставлено много вопросов, касающихся тяжёлого состояния науки.

Однако президентом Академии не сказано о том, что хотя бы один вопрос был решён.

Поэтому сейчас встаёт вопрос о том, можно ли вдохнуть в нашу страну такую же жизнь, как это было сделано в китайском обществе.

Фактически Китай строит социально ориентированное государство, причём основной задачей является повышение качества жизни человека.

В отличие от Китая, у нас огромная поляризация населения по экономическим показателям, причём она всё время растёт.

Это сопровождается массированным оттоком «мозгов» и капитала из нашей страны.

У нас практически не сохранилась критическая масса экспертов по различным направлениям науки.

Чтобы её воссоздать при благоприятных условиях, нужно 2–3 поколения.

Хотелось бы верить, что китайский опыт возрождения сильного социально ориентированного государства будет использован в нашей стране.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Пожалуйста, Олег Михайлович.
Потом Руслан Семёнович.
И завершаем, коллеги. Пожалуйста.

ПРЕКСИН О.М.

к. э. н., вице-президент Ассоциации российских банков

Спасибо большое, Гарегин Ашотович.

У меня вопрос, на который, надеюсь, уважаемые докладчики ответят в заключительном слове и на который сам не знаю ответа.

У нас практически не звучала тема международных финансов, которая крайне важна для Китая и упомянутого Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, где он главный акционер.

Второй по счёту идёт Индия, а на третьем месте – Россия, с которой, к сожалению, сейчас не работают ни этот, ни другие международные банки развития.

Обращаю внимание на важную позицию, которая прозвучала в выступлении Владимира Владимировича 27 октября на Валдайском клубе.

Зачитаю дословно: «Россия считает неизбежным процесс формирования новых международных платёжных платформ, в том числе для целей международных расчётов. Такие платформы должны находиться вне национальных юрисдикций».

У нас до этого всё время говорили о расчётах в национальных валютах, а на деле это приводит к тому, что на смену долларизации приходит юанизация.

Итак, вопрос к докладчикам: готов ли Китай разделить высказанную позицию по созданию новых платёжных платформ вне национальных юрисдикций?

Напомню, что в период острого кризиса конца нулевых годов, точнее на лондонском саммите Большой двадцатки в 2009 г., Китай официально выступал за превращение специальных прав заимствования – СДР – в резервную валюту.

С похожей позицией выступал и Медведев, который в то время был президентом и возглавлял нашу делегацию. Сейчас, когда идет юанизация, в том числе расчётов за нефть, поддержит ли Китай идею создания платформ для трансграничных расчётов вне национальных юрисдикций? Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Сейчас не надо отвечать на вопрос.

Мы уже будем завершать.

Потом ответите, если есть желание.

Кстати, я не представил Олега Михайловича.

Он вице-президент Ассоциации российских банков, в 90-е годы представлял Россию в ЕБРР, а сейчас имеет ещё и другие статусы, в том числе в РСШП.

Пожалуйста, Руслан Семёнович, теперь Вам слово.

ГРИНБЕРГ Р.С.

чл.-корр. РАН, д. э. н.

Я хотел бы коротко сказать о двух вещах.

Первая: меня очень смутило замечание профессора Лукина о том, что мировоззрение и молодых, и немолодых китайцев не продвигается в сторону понимания прав человека, как это принято считать во всём мире.

И что вроде бы идеи гордости за страну, такого национализма, доминирования, собственно, больше свойственны им.

Принято считать, что развитые страны добились успеха именно благодаря такому сочетанию свободы прав человека плюс экономической частной собственности и т. д.

Значит, получается, что страны авторитарные могут экономически догнать и даже перегнать страны не авторитарные.

Мне это кажется не очень хорошим ответом.

Но как вы думаете, прав ли профессор Лукин?

Мне это очень интересно.

Это жизненно важно.

И вторая тема – по-моему, профессор Маслов затрагивал её, – что идёт поворот на Восток.

Собственно, что там повернулось-то?

Кто мы вообще?

Я, например, думаю, что вряд ли мы повернёмся так, чтобы, скажем, знать китайских композиторов и забыть европейских.

Чисто символическая история.

Но всё-таки мы не знаем сегодня, нет такого единого понимания хорошего и плохого.

Вообще, что такое хорошо, что такое плохо?

Но, по-моему, люди, живущие во Владивостоке, – европейцы всё-таки.

И то, что сегодня происходит, мне кажется, это вообще противоречит просто натуре и ментальности российского человека.

Поэтому то, что сегодня происходит отчуждение тотальное от Запада и якобы мы выбрали другую судьбу, мне кажется, это очень искусственная история, плохая история для России.

Я хотел бы знать ваше мнение об этом.

ОСТРОВСКИЙ А.В.

д. э. н., профессор

Спасибо большое, Гарегин Ашотович.

Мы рыночная или плановая экономика?

Так был поставлен вопрос.

У китайцев рыночная.

С нашей экономикой все понятно.

Дело в том, что Китай избрал свою модель – марксизм с китайской спецификой.

Она обозначена в документах XX съезда КПК.

То есть одновременное сосуществование плановой и рыночной экономики.

Эта модель существует вплоть до сегодняшнего дня.

Я не случайно говорил про самую первую задачу – развивать рыночную экономику с упором на государственные предприятия.

Я много лет изучал китайскую экономику изнутри и год писал докторскую диссертацию по рынку рабочей силы Китая 1984–1987 годов, получил доступ на посещение разных предприятий.

В моей монографии 2003 года огромное приложение на 70 страниц, там все материалы изложены.

Я пришёл к одному совершенно конкретному выводу: если бы не было в Китае крупных госпредприятий, в Китае этой реформы точно бы не было.

Собственно говоря, Китай – сочетание плановой и рыночной экономики, и именно на XX съезде говорится о том, что это является самым большим вкладом в развитие марксизма.

Вопрос по экономике: почему темпы роста не будут более высокими?

В 2014 году, когда Си Цзиньпин посетил провинцию Хэнань, он сказал, что Китай вошёл в период новой нормальности.

Новая нормальность в китайском понимании – это то, что уже Китай не будет подниматься на 10, 12, 15%, что он с каждым годом будет снижать показатели.

Более того, в 1996 году была выпущена книга под руководством китайского академика Юй Гуанюаня о том, как будет развиваться Китай до 2050 года.

Авторы книги допускали возможность снижения темпов экономического прироста ВВП на 0,5% каждую пятилетку.

Сейчас, по китайским оценкам, не более 4,5, 5, 6% они дают на этот год.

По итогам 2022 года объём ВВП Китая составил 120 трлн юаней (или прирост ВВП за 2022 год – 4,9%). (С учётом потерь от ковида – от 2,5 до 4% ВВП будет прирост в 2022 году. Так что опять ошибся на 1%. – А.О.)

Теперь о финансах. Роль Центрального банка выполняет Народный Банк Китая.

Перед ним поставлена одна задача – стабильность юаня.

И он добился этого показателя, потому что юань более-менее стабилен.

На сегодняшний день китайский юань вошёл в корзину обязательного резервирования.

Китайский юань постепенно увеличивает свою долю в объёмах внешней торговли.

В ряде стран люди начали накапливать юани.

Но у нас в стране это пока не чувствуется.

Большая часть выступлений о Китае идёт с негативным оттенком.

Что типа идут, идут, рвутся, рвутся и надорвутся.

Американцы об этом пишут, англичане, и у нас об этом говорят.

Но я это слышу ещё с 80-х годов.

В 1993 году я пытался опубликовать статью в «Российской газете», это было до 4 октября, в которой был поставлен вопрос: не пора ли нам что-то изучить из китайских реформ?

Два месяца её мусолили в редакции.

Потом буквально уже в вёрстке её развалили. Почему?

Отдали почитать Гайдару. Гайдар написал: «В Китае коммунисты, нам это не подходит».

Вот и вся резолюция на эту тему.

А в итоге получается, что мы проигнорировали китайский опыт, который оказался достаточно успешным.

Несколько слов про минеральные ресурсы, про уран и всякие прочие рынки редкоземельных металлов, которые на 90% держит Китай.

В 50-е годы занимался этим конкретно наш институт в СССР.

Сейчас можно раскрыть тайну. Всесоюзный институт минерального сырья плотно работал с Китаем все годы.

И они до 1958 года все месторождения редкоземельных металлов открывали.

Были соответствующие закрытые соглашения, что нам полагается примерно 50% от добычи.

Но, к сожалению, в начале 60-х гг. после отзыва советских специалистов из Китая всё закрылось.

И по поводу культуры. Никогда мир не повернётся к китайской культуре (хотя многие китайские фильмы копируют, снимают, переводят) по одной простой причине: для этого как минимум надо выучить китайский язык.

Многие ли из вас, присутствующих здесь, способны не то чтобы выучить, а хотя бы освоить 1000 иероглифов? Я думаю, что вряд ли.

В вузах та же проблема – высокий процент отсеиваемости.

Я преподаю в вузах. Начинает обучение группа бакалавров, к примеру, из 12 человек, и на выходе – 2 магистра.

Вот примерные показатели.

В качестве вывода: нам надо реально изучать Китай.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Андрей Владимирович.

МАСЛОВ А.А.

д. и. н., профессор

Во-первых, отвечая на вопрос Руслана Семёновича. Здесь вот какой момент мы должны хорошо понимать.

Да, действительно может произойти такая история, что страна без очевидного демократического контента может быть значительно более эффективной экономически на протяжении довольно долгого времени.

И с этим мы должны согласиться.

И связано это вот с чем.

Я продолжу в известной степени мысль, которую высказал мой коллега Андрей Владимирович Островский, и отвечу сразу на вопрос по поводу того, какие два предложения российско-китайских отношений я бы выдвинул.

Первое предложение: мы сейчас находимся во многом на той же самой позиции, на которой находился Китай в 90-е годы.

Но не с точки зрения развития экономики, а с точки зрения уровня развития технологий.

Тогда Китай провозгласил рынок в обмен на технологии.

Приходите к нам, работайте, но только сдавайте нам передовые технологии.

И для того, чтобы развивать в том числе прибавочный продукт на российской территории, нам надо не закупать китайские товары, а релоцировать китайские передовые производства на нашу базу, переобучать менеджеров, переобучать инженеров.

Естественно, они должны быть абсолютно передовые, а не какие-то заводы вчерашнего дня.

И подготовить новое поколение людей, которое сможет работать именно с современными технологиями.

То есть производство надо перемещать сюда.

Это первое предложение.

Второе предложение.

Дело в том, что подавляющее большинство всех наших экономических моделей и подавляющее большинство всех наших знаний касается не Востока, а Запада.

Все учебники по экономике и политологии написаны с западным подходом.

Мы мыслим западными категориями.

В этом нет ничего плохого, когда мы работаем с Западом.

Но нельзя взять эти матрицы и перенести на работу не только с Китаем, но и с Востоком в целом.

У нас нет нового поколения, достаточного количества людей, которые могут на всех уровнях – от региональных администраций до банков – работать с Китаем.

В России сейчас около 1000 университетов. Китайский язык преподаётся немногим менее чем в 220.

Мониторинг, который мы недавно провели, показал, что лишь выпускников 3 университетов можно использовать в качестве переводчиков.

Трудоустройство выпускников по востоковедению крайне низкое, подавляющее большинство людей уходят в другие сферы.

Кто у нас будет развивать взаимодействие с Китаем?

Потому что Китай – это всегда тонкая нюансировка.

И дело не только в цифрах экономического роста.

Это понимание логики развития страны.

Если у нас нет таких людей, соответственно, будут сложности в развитии отношений на всех уровнях.

У нас нет специалистов по Африке.

И великое счастье, что мы не развернулись к Африке, тогда был бы полный провал.

И отвечая на реплику Руслана Семёновича.

Руслан Семёнович, я полностью солидарен с Вами, что «поворот на Восток» – это фигура речи на самом деле.

Потому что идея была развернуться на Восток, конечно, не в культурном смысле этого слова, а идея была в том, чтобы развернуться экономически, стратегически и так далее.

Но ведь эту концепцию писали люди, которые видели Китай только из окна пятизвёздочной гостиницы и никогда не работали с Китаем вообще.

Они не понимают, что для Китая это пустой звук.

Поэтому это абсолютно потерянное время и потерянные деньги.

И последнее, по поводу валюты.

Китай активно развивает свой киберюань.

До сих пор идут споры: должен ли быть запараллелен киберюань с массой М1, М0 или это какая-то параллельная история?

Это очень интересный момент, потому что у меня буквально неделю назад в Китае вышла книга про китайскую модель социально-экономического развития.

Были долгие сомнения у китайцев, выпускать её или нет, все-таки я западный эксперт.

И единственная глава, которую китайцы сняли, исключая реплику о компартии Китая, это глава, касающаяся валюты.

Потому что там как раз и объяснялось, что юанизация ничем не лучше долларизации, но доллар значительно более устойчивая валюта, она прикреплена не только к американской экономике, она по-другому формируется.

Как только мы привязываемся к юаню, мы привязываемся к состоянию китайской экономики, к решению Народного Банка Китая.

Все предложения по поводу того, что давайте перейдём либо на права заимствования, либо на золотой, либо на ресурсный эквивалент, китайцы очень жёстко отвергают.

Китай не хочет выходить на другую валюту, кроме юаня.

Более того, Китай технически готов запускать расчёты в юанях по полной программе, в том числе запараллелить СВИФТ, поскольку все хабы готовы.

Но Китай не хочет этого делать.

Потому что Китай пока получает большую доходность от операций с долларами.

И есть ещё один момент.

Накопление юаневых авуаров в российских банках привязывает нас к покупкам в Китае.

Если раньше мы могли спокойно конвертировать юань через третьи конструкции в доллары, в евро, то сейчас мы будем вынуждены закупать именно в Китае.

Это тоже большая проблема, с которой мы ещё до конца не столкнулись, пока это не критическая масса.

Спасибо большое, коллеги.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо.

Коллеги, прежде чем предоставить слово сопредседателю нашего Научно-консультативного совета академику Гусейнову Абдусаламу Абдулкеримовичу, я позволю себе короткий анекдот по поводу обучения языкам, который я слышал в детстве.

Надеюсь, меня никто не упрекнёт в неполиткорректности и не обидится.

У меня много родственников грузин. Я грузин очень люблю, и являюсь абсолютным космополитом, и воспитан в интернациональном духе моими родителями и учителями.

В одной узбекской школе преподаёт французский язык грузинка. И очень всё хорошо, дети довольны, родители довольны.

Спустя некоторое время приходит комиссия, чтобы проверить, как преподаётся язык. И комиссия ничего не может понять – дети прекрасно общаются между собой и с учителем.

Но они не могут понять, на каком языке они общаются?

Выяснилось, что грузинка решила: а зачем детям чужой французский язык? И много лет она очень успешно обучала их грузинскому языку.

Так что, если китайский язык у нас часть вузов преподаёт на грузинском или армянском языке, не беда, они же учатся всё-таки. И это главное!

Главное – методология и душевность, а не сам язык. Спасибо.

Коллеги, сейчас слово академику Гусейнову Абду-
ламу Абдулкеримовичу, сопредседателю Научно-
консультативного совета.

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Уважаемые коллеги, это, конечно, был настоящий университет о состоянии сегодняшнего Китая, прежде всего, его экономики, места в мире, его исторических перспектив.

Я здесь в данном случае могу выступать только как слушатель. Но, поскольку этот вопрос касается каждого из нас и всей нашей страны, я выскажу свои мысли.

Первое, по поводу того, что говорил Руслан Семёнович, что, мол, там успехи достигнуты вопреки каким-то демократическим традициям, либерализму и т. д. Вполне возможно. Но у меня есть небольшой опыт общения с китайцами.

Я был в Китае, выступал там с лекциями, общался с коллегами, которые, кстати, хорошо знают русский язык, изучают русскую философию. И у меня осталось впечатление, что это очень свободные люди, у них не было никакой идеологической зашоренности, ограниченности.

И затем я смотрел, как они ориентируются в современном мире, как они ездят на Запад, ездят к нам, в другие страны, как переводят книги. Это действительно свободные в своей ментальности и в своих действиях люди, я бы так сказал, мобильные люди.

Поэтому эта точка зрения об их антилиберализме является клишированным европейским взглядом. Я не думаю, что так можно понять Китай. У них какие-то свои антропологические предпосылки, которые всё-таки обеспечивают, гарантируют и подкрепляют их успех в современном мире.

А второе замечание вот какое. Конечно, слушая об успехах Китая и радуясь за них, как-то невольно обращаешься к самому себе. И в ходе дискуссии, которая развер-

нулась, речь шла о том, как бы нам использовать опыт Китая и так далее

У меня возникало всё время такое ощущение, что наше общество внутренне является чем-то больным, есть в нас какая-то зараза, и мы не знаем какая.

И диагноза нет подлинного – что мешает нам действительно развиваться?

Почему мы находимся в таком положении, если взять даже чисто экономический аспект, последние 10 лет мы топчемся на одном месте, если не уходим назад.

И мне кажется, поиск собственных причин и оснований, в силу которых мы имеем свои проблемы, недостатки и отставание, это должно нас беспокоить в первую очередь.

Мы пытались 20 или 30 лет заимствовать какие-то передовые технологии, способы управления и т. д. с Запада. Не получилось. Пришли к конфликту с теми, кому хотели подражать, и теперь попробуем заимствовать что-то в Китае?

А проблема-то может быть совсем в другом. Ведь на самом деле, если посмотреть чисто рационально, посмотреть, как наши докладчики рассказывали об успехах китайцев в той, в другой, в третьей области, как у них взаимоотношения с Америкой складывались, как экономика развивалась, как идеологические лозунги менялись.

Это всё вполне доступные для нас, рациональные вещи. И что же тут непонятного? И что же, мы теперь будем пытаться вот эти их наработки, механизмы использовать у себя?

Ведь мы окажемся опять в такой же, может быть, ещё более плохой позиции, чем мы оказались сейчас, когда мы пытались брать и копировать какие-то западные вещи.

Мне кажется, нам надо более внимательно присмотреться к своей собственной истории и к своим собствен-

ным социальным катаклизмам, в которых мы оказались в последние, по крайней мере, 50 лет, может быть, и ещё больше.

То есть внутри себя найти какие-то реальные источники, которые объясняют те трудности, в которых мы оказались и в силу которых развитие нашего общества буксует. Может, наша проблема в том и состоит, что мы не хотим (не можем) быть самими собой, понять свои сильные стороны?!

Тосунян Г.А.: Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.

Я не могу отказать Михаилу Вениаминовичу, прежде чем уже совсем завершить.

УГРЮМОВ М.В.

акад. РАН

Только один комментарий к Вашему выступлению.

Дело в том, что эта проблема волнует всех.

И на неё исчерпывающе ответил, как я уже не раз говорил, Иван Петрович Павлов в 1918 году в своей лекции «Об уме вообще, о русском уме в частности».

Он объясняет наши неудачи особенностями нашего менталитета.

Фактически он даёт понять, что Старый Свет развивается по спирали и каждый последующий виток использует предыдущий позитивный опыт, а мы обречены развиваться по кругу, начиная каждый новый цикл с нуля.

Я думаю, это интересная тема для обсуждения на одном из последующих семинаров.

Гусейнов А.А.: Гарегин Ашотович, это действительно совершенно замечательная работа Ивана Петровича.

Может быть, академик Угрюмов сделает нам как-то доклад, и мы поговорим, и все познакомятся с этим совершенно уникальным документом.

Тем более, Павлов ведь на своём собственном опыте это всё иллюстрирует и рассказывает об особенностях русского ума.

Может быть, здесь, именно в этих особенностях русского ума, и лежат какие-то причины наших недостатков.

Угрюмов М.В.: А передачи мне кто будет носить?

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Михаил Вениаминович, Вы столько раз ссылаетесь на эту работу, что мы уже, естественно, воспользовались возможностью через Интернет ознакомиться.

Но, во-первых, передачи Вам носить не за что!

А за ссылки спасибо! Вы бы презентовали эту работу более подробно, а не обрывочно такими короткими цитатами!

Коллеги, завершаем.

Я хочу сказать, что у меня тоже было желание ранее вступить в полемику. Но я ограничился только вопросом.

Сейчас хочу отметить ряд ключевых моментов.

Начну с того, с чего начал профессор Лукин по поводу борьбы США за лидерство из идеологических соображений.

Они делают это путём того, что пытаются изменить Китай.

Мне сразу резануло слух, действительно ведь очень важно понять, что не надо кого-то менять.

Менять надо самих себя, демонстрируя на своём примере привлекательность такого образа экономического управления, социального управления, мирового управления, который привлекает и вызывает симпатии.

К примеру, чтобы все желали хранить свои резервы в твоей валюте и в твоих банках! А твои банки и валюта отличались бы стабильностью и обеспечивали бы эффективное развитие экономики!

Тогда все будут стремиться инвестировать в твою страну, приезжать в качестве туристов, жаждать получить вид на жительство и гражданство в твоей стране, а не в стране твоих оппонентов.

К себе надо относиться достаточно критично, а не считать всех виноватыми в твоих проблемах.

Это касается всех стран.

И в первую очередь тех, которые пытаются что-то навязывать другим, а иногда ещё и применяя не самые лучшие силовые методы.

Китай, я полагаю, близок к такой концепции, если смотреть на его экономическую стратегию.

А вот политическая платформа управления обществом вызывает у кого-то множество вопросов, а у кого-то, может, и зависть!

Их кредо – копить силы и не показывать свои возможности.

Вот это китайская мудрость, она, в том числе, выражается в такого рода проявлении своего влияния на мир.

Китай себя развивает, он копит капитал материальный и политический, не выпячивает себя раньше времени.

И уровень жизни и благосостояния своего народа наращивает даже более быстрыми, чем было запланировано, темпами.

При этом кем-то из выступавших сегодня был сформулирован очень точный тезис.

Мир сегодня завоёвывается экономически и политически.

Тем не менее – не имея военных целей – Китай считает, что армия всегда должна быть готова к войне.

Это не означает воевать, а просто быть готовым к войне. Большая разница!

Вот такая дальновидность, осторожность, аккуратность и обеспечение своей безопасности через готовность, не более того, а не через навязывание себя силой!

Очень важный момент.

Это принципы, которые формулируются в официальных материалах Китая.

Я согласен с коллегами – это не рекламные сюжеты, это действительно тезисы, которые реализуются на практике.

Во многих случаях декларируются и реализуются также идеи социальной справедливости.

Это действительно производит очень сильное впечатление, когда декларируется и потом реализуется.

Декларируется и реализуется!

Возникает совсем другой уровень доверия к декларациям, к решениям, принимаемым на государственном уровне!

И наоборот, когда декларируется коммунизм, а потом реализуется нечто совсем на него не похожее, то очень быстро страна распадается!

Когда декларируются рыночные отношения, основанные на честной конкуренции, а реализуется олигархическое слияние капитала и власти, возникают серьезные социально-экономические проблемы.

Когда декларируется множество позитивных целей, а потом получается противоположный результат...

Всё это – серьёзные риски для государственного управления и стабильности.

И последнее.

Здесь прозвучало некоторое противопоставление социальной справедливости и прав личности.

Совершенно неуместное, на мой взгляд, противопоставление!

Они друг другу не противоречат, но наоборот, обеспечивать права личности можно в том числе и, может быть, в первую очередь именно через обеспечение социальной справедливости.

Приверженность принципам справедливости – это не наивный идеализм и не догматизм!

Это прагматизм.

Максимально приближаясь к принципам справедливости на длинном горизонте планирования, ты завоёвываешь больше союзников и получаешь больше шансов на победу и стабильность.

И наоборот, цинизм не прагматичен!

Он даёт выгоду лишь на короткой дистанции.

Но в долгосрочной перспективе циники оказываются в проигрыше!

Поэтому я противник догматизма и категорически не приемлю цинизм!

Возвращаясь к Китаю, надеюсь всё-таки – это не страна догматов.

Это страна, в которой, может быть, на первый взгляд присутствует некоторая догматичность в модели управления, потому что так для общества более понятно.

Но у нас такая модель управления вызывает некое отторжение, потому что у многих из нас аллергия на КПСС.

По крайней мере, на такие авторитарные модели управления, к которым, может быть, движется сейчас Китай.

На этом я остановлюсь, ибо иначе выйдем за рамки сегодняшней темы и затронем ещё более глубокие проблемы государственного управления в постсоветских странах.

Многое хотелось бы обсудить дальше.

Конечно, мы не рассчитывали, что наше заседание затянется более чем на 5 часов.

Приношу извинения за это, но слишком интересные выступления, которые нельзя прерывать ради соблюдения регламента!

Особая благодарность докладчикам, потому что их блестящие доклады спровоцировали блестящую полемику, блестящие вопросы.

Спасибо, коллеги!

Завершаем.

Китай: вчера, сегодня, завтра

**Материалы совместного заседания НКС ООН РАН
и НИИ ДДиП 19 ноября 2022 года**

Выпуск № 15

Подписано в печать 05.06.2023

Формат 60x90/16

Цифровая печать

Тираж 700 экз. Заказ № 62

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Целью института является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Этот институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.